

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Людмила АСТАХОВА

НАЕМНИК ЗИМЫ

Издательство Аста-книга

Людмила Викторовна Астахова

Наемник Зимы

Серия «Знающий не говорит», книга 1

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158866

Астахова Л. В. Наемник Зимы: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.,

2007

ISBN 978-5-93556-922-8

Аннотация

Говорят, что выбор есть всегда. Но от него можно отказаться. На какое-то время. Можно сбежать в северное варварское королевство, там забраться в самую глушь, в чащи плоскогорья, где обитают лишь чудовища во всех обличьях, и в бесконечных сражениях попытаться забыть о выборе, о любви и долге. И все же Судьба обязательно отыщет лазейку, чтобы заставить исполнить предназначенное. Судьба крепко возьмет за горло и заставит вспомнить все. И вернуться. Назло всесильным врагам, назло Госпоже Зиме, которая цепко держит обитателей маленькой приграничной крепости в своих объятиях.

Выбор есть всегда? Выбор просто есть...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	40
Глава 3	80
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Людмила Астахова

Наемник Зимы

Глава 1

ОН ВЕРНУЛСЯ

Неожиданные письма с дурными вестями всегда находят адресата, что несправедливо.

Ириен Альс. Эльф. Зима 1694 года

Над перевалом Эрхэ шел снег. Тяжелые тучи повисли так низко, что, казалось, до их темных подбрюший можно достать рукой, немного привстав в седле. Хрупкие снежинки красиво мерцали в стылом воздухе, а затем таяли, едва достигая земли, постепенно превращая и без того разбитую дорогу в сущее наказание для пешего и конного. День клонился к вечеру, быстро темнело, и теплые желтые огни окон постоянного двора манили к себе всякого, кого непогода застала в пути. «Приют охотника» содержала семья почтенного Кампая Соога, старейшины горного орочьего клана. Призе-

мистый дом из тесаных камней был разделен на два широких крыла. Слева располагалась трапезная с гигантским очагом, в котором можно было спокойно зажарить на вертеле целого быка, а по правую руку Кампай выстроил настоящую гостиницу с тремя десятками скромных, но теплых комнат, где всегда можно было найти более-менее чистую постель и кувшин с колодезной водой. Сами хозяева с прислугой жили в отдельном доме, соединенном с кухней крытым переходом. Все постройки были окружены каменным забором высотой по грудь взрослому мужчине, поросшим серым вьюном и дикой вилькой. От Дождевого хребта и до Тоштина «Приют» считался самым приличным заведением на всем Северном тракте. Прямо говоря, для купеческих караванов, идущих в Хэй, постоялый двор господина Соога был тем редким местом, где еще можно лечь спать раздетым, не оставляя часового возле лошадей и товара. Молодой слуга принял у пришельца усталую кобылу забавного пятнистого окраса и пообещал поухаживать за животным как полагается. Юноша-орк даже глаз не поднял на новоприбывшего, как и учил Кампай, а если бы начал разглядывать гостя, то вряд ли на его лице отразилась бы радость.

По всем приметам, в трактире веселье шло полным ходом. В центре двора, у колодца в грязной луже лежал пьяница. Судя по могучему храпу, тело недавно вынесли освежиться. Из распахнутой настежь двери валил густой пар, вонявший потом и пережаренным нутряным жиром. Пришелец презри-

тельно поморщился, прислушиваясь к пьяным крикам, доносящимся из трактира, но решительно двинулся внутрь.

В общем зале было не протолкнуться от постояльцев. Где-то в углу умелец играл на цитре и громко пел что-то похабное, нестройный звон струн несчастного инструмента перемежался гоготом слушателей, отмечающих особо заковыристый куплет. Все столы оказались заняты, люди, орки и тангары ели, пили, ругались, орали песни. Перевал был точкой пересечения множества путей между Ветландом, Северным Минардом и малолюдными землями Доронганского пограничья. В конце осени, после завершения сезона, здесь можно было встретить кого угодно. Охотники, старатели, лесорубы и углежогы, дружинники, мытари с княжескими гербами и просто бродяги, которых грядущая зима согнала со склонов Дождевого хребта. Над головами едоков клубился сизый дым, между столами бегали подавальщики с подносами и кувшинами, под их ногами сновали собаки, а у очага поваренок крутил вертел с бараном. Возле длинной стойки народ попивал пиво. Там и нашлось одно свободное место.

Слуга за стойкой ловко и быстро наполнял кружки пивом из крутобоких бочонков и отработанным движением запускал их по столешнице прямым в руки измученных жаждой. На еще одного посетителя никто, конечно, внимания не обратил. Тот подошел к стойке и жестом поманил слугу. Тоже, кстати, орка. Людей или тангаров Кампай из принципа на работу никогда не нанимал, доверяя лишь своим ближним и

дальним родичам.

– Что желаете? – спросил слуга, не отрывая взгляда от наполняющейся мутной желтой жидкостью очередной кружки.

– Чего-нибудь горячего и мясного, – сказал пришелец и протянул золотую ветландскую монету. На его руках были странные перчатки – из акульей кожи, на левой вообще без пальцев, защищающие лишь ладонь. Особенно бросалось в глаза то, что на трех пальцах правой руки отсутствовали ногти.

– Э-э-э, – выдохнул слуга, и его узкие глаза на миг округлились от удивления.

– Точно, ты угадал, – ухмыльнулся недобро незнакомец.

– Добро пожаловать, господин Альс. Мы уж решили, что вы останетесь зимовать в Хэйе, – торопливо отозвался орк и угодливо переспросил: – Значит, как обычно, жаркое из птицы и суп?

Названный Альсом согласно кивнул и в ожидании заказа лениво осмотрел зал. К чести хозяина, заказ в «Приюте» никогда долго ждать не приходилось.

С неопишуемым удовольствием он отпил глоток отличнейшего, несмотря на отвратный внешний вид, бульона. Мясо просто таяло во рту, хотя после трех дней, проведенных на дождевой воде и двух червивых яблоках, там бы растаял и речной песок пополам с опилками. Подливка и овощи заслуживали отдельного вознаграждения. Альс жадно поглощал ужин, совершенно утратив способность смотреть по сторо-

нам. Впрочем, ничего примечательного как раз и не происходило. Тангары играли в тонк, звучно шлепая картами о столешницу, красочно расписывая умственные способности друг друга. Двое здоровенных лесорубов-людей боролись на руках, выясняя, кто сильнее «прямо сейчас». Если закрыть глаза, то невозможно догадаться, в какой из северных стран находишься в настоящий момент. А тем временем его соседи по стойке успели заметить, к какой расе принадлежит их сотрапезник. Тангары озабоченно зашептались, кое-кто из людей придвинул к себе оружие поближе. Ничего удивительного в этом не было. Найдите на севере место, где первому встречному эльфу окажутся рады, и расскажите про это чудо из чудес. Может быть, вам и поверят, но вряд ли.

Эльфы всегда считались существами агрессивными, жестокими и непредсказуемыми. Тем более что большинство из завсегдатаев «Приюта» если и не знали Альса лично, то обязательно о нем слышали. И слава, которой была овеяна пара мечей в ножнах за его спиной, была весьма сомнительная.

Эльф очень скоро закончил ужинать, аккуратно промокнув остатки подливки кусочком хлеба, и только тогда на его мрачном лице появилась тень удовлетворения. Больше всего ему хотелось сейчас опустить голову на столешницу и хоть немножко вздремнуть. Он сдержал рвущийся на волю сладкий зевок, крепко сжав челюсти. Специально усевшись спиной к залу, по быстро вытягивающемуся лицу слуги понял,

что сделал это зря.

– Эй, ты! – раздался над ухом хриплый голос.

Эльф даже не пошевелился, но его все равно обдало запахом перегара, чеснока, лука и гниющих зубов.

– Слышь, Альс, или как там тебя?

Медленно, очень-очень медленно эльф встал с табурета, повернулся и молча стал рассматривать живописную группу из четырех человек, из которых только один мог претендовать на справедливое причисление к роду людскому. Самый старший, гнусного вида мужик, заросший по самые поросычьи глазки пегой щетиной, нагло ухмылялся, демонстрируя черные пеньки, оставшиеся от зубов. Вся вонь, к слову, исходила от него. В двоих парнях по обе стороны от сего красавца текла изрядная примесь орочьей крови, четвертый же, несомненно, имел тангарских предков, судя по характерным крупным чертам лица, которое еще не успело превратиться в разбойничью харю. Альс, изрядно поднаторевший в таком деле, как смешение пород, и безошибочно определявший примерное соотношение кровей, решил, что у парня как минимум дедушка был тангаром. Вся компания нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, глумливо скалилась, всем своим видом демонстрируя серьезность намерений.

– Чего надо? – довольно хмуро поинтересовался эльф, медленно переводя взгляд с одной рожи на другую.

– Ты был проводником в караване Онарзона.

Дядька не спрашивал, он констатировал факт. Впрочем,

ни для кого это и не являлось секретом. Альс, не снисходя до словесного ответа, лишь пожал плечами.

– Где Онарзон?

– В Хэйе, где же еще.

– Значицца так, братанчик. Поведешь нас в Хэй – останешься с ухами, заартачишься – прощевайся и с ухами, да и с яйцами тоже. Понял, братанчик? – нагло заявил гнилозубый.

В таверне установилась настороженная тишина. Те, кто знал Альса не понаслышке, приготовились к срочной эвакуации, а те, кто видел эльфа впервые, а таких было меньшинство, наблюдали за развитием событий с нарастающим интересом. Поваренок же, наученный горьким опытом, бросил на произвол судьбы недожаренного барана и резво метнулся на поиски хозяина.

Альс нехорошо ухмыльнулся и ответил на неожиданное предложение очень неприличным тангарским ругательством. Не просто похабным, а сильно оскорбительным. Кое-где за такие слова можно было в одночасье схлопотать поллоктя стали в живот, причем оскорбленный мог не опасаться виселицы за совершенное убийство. Любой судья встал бы на его сторону без долгих раздумий. Для самого эльфа всегда оставалось неразрешимой загадкой, каким образом язык столь богобоязненного народа, как тангары, обогатился набором таких убийственных выражений, граничащих с богохульством. То ли «братанчики» не ожидали столь жесткого ответа, то ли их неправильно информировали о нраве Альса,

но тип с вонючим ртом сначала просто-напросто опешил.

– Чего? – промычал он.

И, естественно, Альс не смог удержаться от развития приятнейшей темы, оповестив благодарных слушателей о противоестественном способе зачатия своего непрошеного собеседника, добавив парочку непристойностей. Да и заканчивалась фраза почти ласково – «братанчик». Отвлечшиеся от питья тангары восхищенно прищелкивали языками, не в силах выразить иначе свое преклонение перед великим искусством сквернословия.

Первым пришел в себя тангарский внук-правнук, видимо, кровь предков поспособствовала наилучшему усвоению произнесенного. Малый удался вширь и ввысь, а потому удар его меча должен был рассечь излишне языкастого эльфа на две ровные половинки, но пострадала лишь толстенная столешница. Альс уклонился, отскочил в сторону и, нырнув под руку одному из полукровок, быстро отпрянул в сторону, чтобы как следует размахнуться и с наслаждением врезать окованным носком сапога в пах второму. Суровое плоскогорье Хейт – это не благословенные холмы Лаго-Феа, где можно ходить в мягких сапожках из тонкой замши и безнаказанно получать удовольствие от ношения национальной обуви.

К мечам Альс даже не попытался прикоснуться, а вот стилет очень пригодился, хотя в глазнице у главаря, того самого гнилозубого дядьки, изящная рукоять с традиционным растительным узором смотрелась не лучшим образом. Выведя

таким образом из строя самого опытного бойца, Альс решил, что остальных он убивать не станет. Даже тангарского полукровка, невзирая на все его усилия нарваться на серьезные неприятности. Меткий бросок тяжелого табурета по уцелевшим, поставивший последнюю точку в сражении, исторг из глоток зрителей одобрителный вой. Далеко не каждый взрослый мужчина мог с такой легкостью поднять хозяйскую мебель, а уж бросить увесистое произведение неведомого плотника было и вовсе за пределами возможностей. Если посмотреть на эльфа со стороны, никогда не догадаешься, сколько силы таится в его тощем, костлявом теле.

Только одно обстоятельство по-настоящему обрадовало Альса, а именно то, что он успел завершить небольшое сражение до появления Кампая Соога во главе небольшого, но хорошо вооруженного отряда домочадцев. Хозяин сильно не любил драк, и если таковые случались, доставалось всем, кто подвернется под тяжелую руку орка. Оглядев поле недавнего боя, Кампай громко выругался. Справедливо пригрозив расчетом вышибалам, которые во время драки стояли, распахнув рты, вместо того чтобы навести порядок, орк грозно оглядел попритихшую толпу.

– Жрать и пить не перехотелось, гости дорогие? Кому не понравилось – смело может выметаться.

Желающих покинуть гостеприимный «Приют» не сыскалось. Народ вернулся к выпивке и более мирным развлечениям, благо тем для обсуждения прибавилось.

– И чего тебя нелегкая занесла к нам с Хейта? – мрачно спросил у эльфа Кампай. – Кто теперь кровищу будет убирать? А?

Эльф удивленно изогнул бровь. Похоже, зря он надеялся, что его отказ от использования мечей кто-то сумеет оценить по достоинству. Пусти он их в ход, крови было бы не в пример больше.

– И тебе привет, Кампай, – отвечивал Альс.

– Не сильно-то тут соскучились по тебе.

Эльф вздохнул. Ничего не изменилось за последний год: вкус пива, раскрасневшиеся лица, запах перегара, визг терзаемой цитры и неприязнь старикана Кампая Соога. На самом деле орк был совсем еще не так стар. В его пышном хвосте на макушке хватало седых волос, но в плечах он по-прежнему оставался необычайно широк, а в руках его имелось столько мощи, что Кампай мог без всякого видимого усилия гнуть подковы. Темно-коричневое жесткое лицо орка уже прорезали глубокие морщины, но Альс сильно сомневался, что его законная жена и десяток не менее законных наложниц имели основание жаловаться на своего супруга и господина.

– Мы тут все надеялись, что ты останешься зимовать в Хэйе. Чегой-то тебя назад потянуло?

– Дела, – легкомысленно махнул рукой эльф. Ему не хотелось ругаться. – Хочу заночевать в «Приюте». Ты не возражаешь?

– Я распоряжусь насчет комнаты, Ириен Альс, но только до утра. Понял? – проворчал орк. – И держись подальше от моих детей!

– Мы уже говорили на эту тему, – нехотя ответил Ириен. Собственно говоря, ничего иного он и не ожидал.

Разговор сочли состоявшимся только после потасовки, завершившей долгий обмен оскорблениями, когда эльф попытался отдать Кампаю оружие его погибшего сына. Тот бросился на Альса с тесаком, и эльфу стоило немалого труда отбиться и не поранить потерявшего голову орка. Их с трудом разняли, но орк не торопился менять гнев на милость и признавать, что в смерти Дориная Альс ни в коей мере виноват не был и быть не мог.

– С тебя еще кружка, – заявил эльф. – За моральный ущерб.

Не то чтобы он сильно хотел пить, тем более пиво. Просто из вредности захотелось лишний раз поддеть орка. Кампай потрясенно уставился на наглого постояльца.

– Это еще в честь какой радости?

– Мог бы и предупредить. – Альс небрежным жестом указал на выносимые во двор тела. – Они, похоже, тут отирались не один день, поджидая меня.

– А что изменилось бы? – криво ухмыльнулся хозяин «Приюта», но кружку налил доверху и водрузил ее перед носом у эльфа.

Тот в ответ пожал плечами. Действительно, разницы ни-

какой. Ну, может быть, Альс не стал ограничиваться бы только человеком, чья смерть точно никого не опечалила. А с другой стороны, обратиться эта незадачливая четверка к эльфу по-хорошему и тем более не настаивай она на немедленном сопровождении в Хэй, то он бы подробно объяснил, и где в городе можно найти Онарзона, и как застать его врасплох. Весть о безвременной кончине старого негодяя действительно порадовала бы несказанно добрую половину населения Ветланда, а вторая половина наверняка сожалела бы громко, что не приняла в его упокоении более деятельного участия. Большого выродка, чем Онарзон, даже в Хейте сыскать было сложно. Убийца, работорговец, насильник и растлитель малолетних, Онарзон мог спать спокойно только в окружении десятка телохранителей, но с Альсом он предпочел расплатиться по-честному, без обмана, зная, что в противном случае ему не помогут и двадцать охранников. И уж совсем излишним в беседе с Ириеном употреблялось слово «братанчик», потому что у эльфа никогда братьев-сестер не было. Один он родился у отца с матерью.

– Нет, ну почему стоит тебе переступить порог моего заведения, как сюда слетается шваль со всего Ветланда? Прямо как мухи... на то самое. Можешь мне объяснить сей феномен, Ириен Альс? – рассуждал вслух Кампай. – Мне впору устраивать рядом погост, чтобы хоронить всех убитых тобой в «Приюте» за неполных два года.

– И не так уж много их было, – огрызнулся беззлобно

эльф. – По пальцам можно пересчитать.

– Ага. По пальцам рук и ног. Твоих и моих.

– Все потому, что место у тебя здесь беспокойное. При-
мечаешь всех подряд, без разбора – лишь бы платили сереб-
ром. От жадности так всегда и получается. По-ученому сей
феномен называется «побочный эффект».

Альс совершенно определенно издевался над почтенным
старейшиной благородного рода и делал это сугубо по-эль-
фийски – хитро и внешне пристойно. Ну не драться же при-
личному и немолодому орку с наемником, за которым тянет-
ся шлейф разномастных мертвецов. Кампай демонстративно
сплюнул себе под ноги, выражая тем самым убежденность
в бесполезности разговора с неисправимым во всех отноше-
ниях типом.

– Ты чокнутый, Альс, – вздохнул орк. – Видят боги, у те-
бя не все в порядке с головой. Последи за собой. Разве кто-
нибудь, кроме тебя, может вести дела с тем же Онарзоном
или возвращаться через весь Хейт в одиночку? На тебя же
смотреть уже страшно. Даром что эльф, а сам упырь упырем.
Весь аж серо-зеленый, глаза ввалились, рожа перекошенная.

– Не твое дело! – вяло огрызнулся эльф. – Чтоб ты знал
впредь – эльфы никогда не сходят с ума, равно как и не боле-
ют всякой заразой. Я здоровее всех вас, вместе взятых. По-
нятно?

Продолжать беседу дальше Кампай посчитал ниже свое-
го достоинства, у него и без болтовни хватало в этот вечер

забот. Вот, например, замечательный молодой барашек жаривается только с одной стороны, а другую олух Вилай, даром что родной племянник, оставляет полусырой. Стоит только отвернуться, и лентяи норовят увильнуть от работы. Ничего-ничего, у Кампая Соога найдется управа на каждого дармоеда.

Проводив взглядом почтенного орка, Альс отставил в сторону пиво. Он не стал возражать, когда кто-то из лесорубов как бы случайно опрокинул в себя бесхозную пенистую влагу. Не пропадать же добру. Редко когда эльф искренне сожалел о том, что для него как для представителя своей расы недоступны радости опьянения, но сейчас выдался именно такой случай.

«Напиться бы сейчас, – думал он. – Напиться до беспмятства, к примеру, как во-о-о-н та грязная харя, почивающая в дальнем углу. Счастливец...»

Может быть, тогда Альс смог бы наконец выспаться. Потому что как ни крути, а в чем-то Кампай совершенно прав. Если эльф и может спятить, то он сейчас в одном шаге от этого знаменательного события. Он давно уже чувствовал, как нарастает внутри болезненное напряжение, прорывающееся наружу приступами едва сдерживаемой ярости. Никто, разумеется, в здравом уме не стал бы лить слезы над теми двумя десятками подонков, которых он только здесь, на перевале, отправил в объятия Двуетоного, но с каждым лишним днем, проведенным по эту сторону пролива, контролировать свои

чувства становилось все труднее. Особенно в последние дни, когда тоненький листочек письма, нашедшего его не где-нибудь, а в Хэйе, буквально жег до костей через меховую подкладку куртки.

– Чего-нибудь еще прикажете подать? – почтительно поинтересовался на всякий случай слуга.

– Хассар в вашем заведении водится?

– А как же! Немного, но держим. Дорогое удовольствие.

– Сколько?

– Три серебряные венты.

Альс презрительно фыркнул и впечатал в ладонь орка еще одну золотую монету.

– Сделай мне двойную порцию, – распорядился он. – И про сдачу не забудь.

Прислугу как ветром сдуло. Еще бы он не торопился, когда хассар заказывают на Эрхэ в первый раз за полгода. Удовольствие действительно более чем дорогое. Напиток из мелко истолченных листьев заморского дерева, густо-пурпурного цвета и ни с чем не сравнимого терпко-горького вкуса, могли позволить себе далеко не все. Богатые купцы, высокородные нобили и... наемники, охранявшие торговые караваны на пути через Хейт.

«Вот и еще одно проявление приближающегося безумия», – сделал печальный вывод Ириен, потому что транжирить на внезапную прихоть с таким трудом заработанное золото может только ненормальный. Он погладил припрятан-

ное на груди письмо, как болезненную, незаживающую и зудящую рану. За эти дни Ириен успел выучить его наизусть, прочитав по меньшей мере тысячу раз, словно пытаюсь разглядеть за изысканно-простым росчерком дорогих лиловых чернил на преступно дорогой фиалковой бумаге то, о чем отправитель умышленно умолчал. Впрочем, Арьятири постарался не оставить места для поисков иного смысла, выражая свои замыслы настолько откровенно, насколько это вообще доступно.

«Драгоценный мой враг. – Самое честное признание, с которым Альс сталкивался за все годы их нелегкого знакомства. – Надеюсь, что тебе не просто неприятно держать в руках это послание, а оно станет для тебя подлинным потрясением. Скажу больше, я намерен причинить тебе настоящие страдания. И не только тебе одному, иначе это было бы слишком банально. Довожу до твоего сведения, что времена, когда в отношении тебя проявлялась известная мера терпимости, бесповоротно закончились. Времена вообще имеют неприятную тенденцию изменяться, и произошедшие перемены, которые, как я уверен, ты в гордыне своей не пожелал замечать, поставили наши взаимоотношения на грань войны. Ты всегда любил ясность. Что ж, изволь. Я, Арьятири Локира-и-Танно, полномочный а'инт-ран Зеленой Ложи, уже не прошу возвращения в Фэйр. Я требую. Я приказываю. И, естественно, я прекрасно понимаю, что ты проигнорируешь и требование и приказ. На то всем сердцем и упо-

ваю. Сделай так, как я предполагаю. Дай мне возможность затравить тебя, как лисицу, выкурить из той норы, в которую ты забился, превратить твою жизнь в невыносимую муку. Потому что я ни перед чем не остановлюсь. И, прежде всего я найду Джасс. Неужели ты думаешь, что твоя подруга сумеет спрятаться от нас? Да я лично переверну весь Игергард, Маргар и остальной континент, обыскивая каждую деревню, каждый хутор, каждую рощу, поднимая каждый камень и перерывая каждую выгребную яму, пока не приволоку женщину за волосы прямиком в Оллаверн. Ею, кстати, тут чрезвычайно заинтересовались вполне известные тебе особы. Очень сожалею, что я раньше не додумался до такого простого решения. Нашлись люди – подсказали. (Согласись, что люди – создания, обладающие незаурядной выдумкой, когда дело доходит до главного.) Знаешь, как они ловят некоторых опасных зверей? Поджигают лес. А я, если надо, подожгу половину мира, чтобы в итоге сомкнуть руки на твоём горле. Беги, Ириен! Беги, если получится. Но помни, что надеяться тебе не на что». И роскошная летящая подпись полным многосложным именем. Без даты. Только в нижнем уголке тушью выведена руна на Истинном языке, чтобы у Альса не оставалось сомнений, где именно написано письмо. Облачный Дом, Оллаверн, обиталище могущественных магов, названий много, а суть одна.

Случилось то, что, как Ириен надеялся, произойдет очень и очень не скоро, лучше всего после его собственной смерти.

От старости. Зеленая Ложа и Оллаверн впервые за несколько тысяч лет нашли общий язык, а возможно, и объединились во имя единой цели. Да какие могут быть предположения? Раз Арья почувствовал себя всемогущим, значит, договорился не только с Кругом Избранных, но и с самим Хозяином Сфер. А уж до какой степени эти двое нашли взаимопонимание и во что теперь посвящен полномочный а'инт-ран Зеленой Ложи, Ириен старался даже не представлять. Ему от этих размышлений становилось дурно.

Эльф сдержался, чтоб не заскрипеть зубами от бессилия и злости. И то лишь потому, что почти всю дорогу из Хэйя он только этим и занимался. Ну не мог он позволить себе торчать на краю обитаемого мира всю зиму, зная, что, пока на перевалах не сойдет снег, а в море не вскрыется лед, ни о каком возвращении речи быть не может. После письма Арьятири Хэй из укромного уголка превратился в вот-вот готовый захлопнуться капкан. И Ириен бежал оттуда, разрывая более чем выгодную договоренность с кварталом Маармаем, полностью меняя свои планы, а заодно и повергая весь Хэй, от проводников до шлюх, в шок. Ставки на то, что сумасшедший эльф сумеет в одиночку преодолеть плоскогорье, были примерно один к сорока пяти, причем не в его пользу. Но Ириен наплевал и на предостережения, и на реальные опасности, о которых знал совсем не понаслышке. Он рискнул перейти через Одинокую гряду, чтобы срезать существенную часть пути. Если бы он этого не сделал, то ни за что не

успел бы до начала сильных снегопадов, на всю зиму закупоривающих единственный пригодный для путников перевал Дождевого хребта, соединяющий плоскогорье с остальным миром.

Словно подслушав Ириеновы мысли, рядом возник молоденький орк. Кохай, младший сын Кампая, явно намеревался сам обслужить гостя.

– Привет, Альс, – дружелюбно улыбнулся юноша. – Давненько тебя было не видно.

– Привет, Кохай.

– Ты ведь из Хейта? Правда? Караван довел?

– Ну если я здесь один, значит, довел, – устало подтвердил Альс и помимо воли тревожно огляделся: – А где твой отец?

Разговаривая с мальчишкой, эльф сильно рисковал нарваться на скандал с его отцом. Дело могло кончиться ночевкой на свежем воздухе. А с другой стороны, так можно хоть ненадолго отвлечься от невеселых размышлений.

– Да кто его знает, может, на кухне, а может, в кладовке, – хмыкнул орк. – Ты ведь будешь ночевать у нас?

– Разумеется, – согласился эльф. – Я твердо намерен провести эту ночь в кровати.

– Почему бы нет? Не думаю, чтобы отец стал возражать. Альс на мгновение задумался.

– Скажи ему, что я уеду еще до рассвета.

– Скажу, конечно. А ты мне лучше расскажи, что было в Хейте. Мы видели такое зарево!

Золотистые глаза орка сверкали от восторга, как факелы в ночи. Его зависть была почти физически ощутима. Мальчишка локти себе кусал, что где-то произошло нечто захватывающее, а его там не было.

Про зарево Альсу вспоминать не хотелось. В Хейте все время происходило что-нибудь очень странное и страшное. Иногда дневной переход выдавался без всяких напастей – тихо и мирно, но чаще всего за собственную жизнь приходилось драться. В этот раз сначала случился оборотень – черного цвета волчище, который после смерти превратился в жуткую пародию на человеческое существо, с вывернутыми суставами и безносым лицом. Потом стая сверкающих на солнце мошек, от которых пришлось спасаться бегством, потому что иного спасения от них как такового никто еще не придумал, а смерть они несли ужасную, вгрызаясь в кожу жертвы и поедая ее живьем. Ядовитые пауки размером с суповую тарелку, летучие мыши-вампиры, какие-то немыслимых форм каракатицы, норвящие затащить в зловонную жижу, и всякая прочая нечисть, какую молоденький орк себе и вообразить не мог. Мир по ту сторону Дождевого хребта упущением богов был вывернут наизнанку. Почему так было – никто не знал. Зато все знали, что плоскогорье богато золотом.

– Расскажи что-нибудь о Хейте, – попросил Кохай.

Альс попытался припомнить какую-нибудь забавную историю для мальчишки, но быстро понял, насколько тщетны его усилия. Будь на то воля эльфа, то он бы в Хейт носа не

сунул.

– Отвратительное место. Там никогда не знаешь, какая напасть поджидает тебя завтра.

– Ух ты! А у нас ничего никогда не происходит! Ну что это за жизнь? Как подумаю, что всю свою жизнь проведу на перевале и никогда не увижу ни Маргара, ни Игергарда, ни даже Минарда...

Альс слегка скривил рот, пряча невольную улыбку. Как и все мальчики на свете, Кохай мечтал о приключениях, дальних странах, огромных городах, где живут прекрасные женщины и золото льется рекой. Ничего удивительного и ничего странного в таком положении вещей Альс не видел.

– Вот Доринай... – начал было Кохай.

– Твой брат сейчас лежит в могиле и никогда не вернется в отчий дом, – резко оборвал его эльф. – А твой отец совершенно искренне ненавидит меня, считая, что это я задурил голову его сыну рассказами о дальних странах. И я даже представить себе не могу, по какой причине твой папаша до сих пор не надумал переломать мне все кости где-нибудь на полдороге к Тоштину. А еще твой отец дней на десять запрет тебя в кладовке, если узнает, что ты говорил со мной. Если тебе суждено увидеть все чудеса этого мира, то так тому и быть, малыш. Поверь мне на слово, Эрхэ не самое плохое место под небесами.

– Альс, ты хоть сам веришь в то, что говоришь? – спросил обиженно Кохай. – Я уже давно не в пеленках лежу, чтоб

сказки мне рассказывать. Разве ты сам стал бы дожидаться, пока Файлак, злой бог Судьбы, укажет тебе путь? Нет ведь? Тоже мне, воспитатель выискался! Ты ведь знаешь, что здесь все одно и то же день за днем, год за годом. Кухня, двор, козы, пиво...

– Тебе скучно, засранец малолетний? – Возникший за спиной у парня Соог-старший отвесил отпрыску изрядный подзатыльник. – Марш на кухню, там тебе станет веселее!

Кохай со злостью швырнул ненавистный ему фартук и умчался переваривать разочарование и обиду. Мальчишка верно сказал, но только о том, что касалось отношений эльфа с судьбой. Альс с ней не слишком церемонился.

– Ты совершенно прав, обещая мальцу неприятности от моего имени, – мрачно проворчал Кампай Соог, рассматривая эльфа с таким напряжением, словно намеревался оторвать тому голову голыми руками. – Я еще посажу его на хлеб и воду, чтобы меньше воображал о себе.

Неожиданно орк выпучил глаза и, прошипев под нос ругательство, нырнул под стойку. Рука эльфа сама по себе ухватила за рукоять меча, но, развернувшись, он решил, что оружие не понадобится. А понадобится исключительно терпение.

Посредине зала, в окружающем его полнейшем молчании, оказался самый отвратительный старикашка, которого Альсу только доводилось видеть в своей жизни, наполненной отвратительными личностями до отказа. Тощий, волосатый

дед в грязной хламиде медленно вращался вокруг своей оси, выкрикивая что-то бессвязное, плюясь и подвывая от избытка чувств. От его лохмотьев исходили ядовитые волны зловония. И, к искреннему удивлению эльфа, ни одна живая душа даже не попыталась прервать это оригинальное, но неприятное зрелище. Еще два года назад вышибалы Кампая не дали бы такому созданию и шагу ступить в таверну. Здоровенные орки, замершие у дверей, испуганно пялились на деда, не сделав лишнего шага. А ведь в их прямые обязанности входило следить за порядком. То ли у старикашки голова закружилась, то ли ему просто надоело однообразие, но он внезапно остановился и вперил мутный взгляд прямоиком в эльфа, отчего у того появилось предчувствие, что старикашка имеет желание высказаться по его, Альса, адресу.

– Ты умрешь! Э-э-э... Скоро и не скоро! Э-э-э... Один, совсем один умрешь! Солнце скатится в море, охотник, – отчетливо возопил блаженный, тыкая когтистым немытым пальцем в сторону эльфа. – Я вижу смерть твою!

Соседи Альса шарахнулись в стороны, словно предначертанная смерть могла оказаться заразной болезнью. Видимо, дедок пользовался определенным влиянием на умы местных обитателей.

– Ты слышал меня, эльф? – спросил оракул совершенно нормальным голосом, не заметив у жертвы явных признаков ужаса от предсказания скорой гибели.

На самом деле Альсу стало не страшно, а тошно. Он не

любил пророков и пророчества, а нынешнее представление существенно теряло в его глазах из-за убожества исполнения и скудости замысла.

– Все рано или поздно умирают, старый пень, – равнодушно сказал эльф и, звучно потянув воздух носом, добавил: – Проваливай, от тебя воняет.

– Я видел твою смерть, – настаивал на своем упрямый дед.

– А ты уверен, что это была моя смерть, а не твоя? – медленно улыбнулся Альс самой мерзкой из крошечного арсенала своих кособоких улыбок.

У пророка глаза едва не вывалились из орбит, когда эльф спокойно подошел прямо к нему и взялся левой рукой за торчащий на шее острый кадык. Рука у эльфа, надо сказать, оказалась тверже стали двух его мечей.

– Молись, чтоб вышло так, как ты болтал, потому что, когда я вернусь сюда в следующий раз, то первым делом выдеру тебе язык, пророк чтоб тебя, – сказал Альс, швыряя деда к ногам вышибал.

Тишина за его спиной застыла в недоумении, как деревенская девка, проснувшаяся утром на сеновале и обнаружившая потерю девичества, когда он со злостью грохнул дверью. По прошествии короткого времени на заднем дворе шлепнулось визжащее тело. Вышибалы Кампая с небольшим опозданием вспомнили о своих обязанностях.

Руку пришлось долго отмывать колодезной водой, потому как на шее у доморощенного пророка застыла грязь трехлет-

ней давности. Эльф ожесточенно тер ладонь, периодически поднося ее к носу, чтобы убедиться, что вонь исчезает. Она исчезала крайне медленно, и Альс успел за это время порядком замерзнуть. Снег к ночи только усилился, грозя перерасти в снежную бурю. Давным-давно сломанные и сросшиеся ребра мучительно ныли, настойчиво напоминая о трех сутках, проведенных безвылазно в седле. По-хорошему, надо было бы еще пару дней отлежаться, но Кампай дал понять, что не желает терпеть его присутствие более одной ночи. А жаль.

Альсу не нужно было оборачиваться, чтобы определить, кому принадлежит звук шагов за спиной.

– Кампай, ты никогда не обращал внимания на то, что людям свойственно какое-то особенное сродство с грязью? – спросил он, продолжая тереть руку об штаны. – Особенно это касается пророков. И вообще, что у вас тут происходит? Сплошное позорище.

Орк смущенно хрюкнул и проворчал:

– С меня бесплатный завтрак.

– Обойдусь, – буркнул эльф, но сменил гнев на милость и развернулся к хозяину «Приюта»: – Этот засранец отобьет охоту есть твою стряпню у кого угодно.

– Да ладно, Альс, не серчай. Самому житья никакого нет в последнее время от кликуш, юродивых, пророков и прочей швали. Вонючка еще не самый худший из этой братии. Тут такое дело... А пойдем-ка лучше в тепло, – предложил орк,

видя, что стоять на холоде Альсу совершенно не хочется.

Как и было обещано, Кампай отвел наемнику вполне приличную комнату, к тому же расщедрился на добавочное одеяло из теплой козьей шерсти, памятуя о том, что северного обычая спать на мехах и укрываться мехом эльф не принимал вовсе. Но за подобную любезность Ириен расплатился долгим и обстоятельным рассказом орка о небывалом количестве помешанных, заплонивших за лето весь Ветланд. Каждая деревня теперь обзавелась собственным оракулом, а ежели не оракулом, так ясновидицей или, на худой конец, припадочной вещуньей. Будь пророчества хоть сколь бы то ни было доброжелательными, возможно, никто особенно не стал бы обращать внимание на подобную странность. Но новоявленные пророки словно сговорились возвещать направо и налево о скорой и неожиданной кончине, невзирая на то что жертвы предсказаний чинили вещунам тяжелые побои и увечья. Посему реакция эльфа на вонючего предсказателя мало кого из посетителей «Приюта» удивила, а возможно, даже и разочаровала. От наемника, исходившего вдоль и поперек весь Хейт, ожидали чего-нибудь более кровавого.

– Причем на наших эта напасть не действует.

– На кого это «на ваших»? – не понял Альс.

– На орков или, скажем, на тангаров. У них ничего такого нет. А вот стоит добавить немного людской крови, как на тебе, – вздохнул Кампай. – Я думаю, это какая-то заразная болячка, у людей их полным-полно.

Альс демонстративно зевнул. Ему хотелось спать, а не ломать голову над очередной местной напастью.

– Так чего ты хочешь от меня? Чтоб я проредил поголовье местных пророков? – лениво пробурчал он. – Необходимый опыт у меня имеется.

Кампай выкатил на него ошалелые глаза, подозревая эльфа в самых кровожадных желаниях. Видят боги, с такого станется. Он заверил Альса, что хотел только посоветоваться и не более того.

– Гони их всех в шею. И Вонючку на свой порог не пускай. Вот такой тебе мой совет. Чтоб не мешал оставшимся в здравом уме пить спокойно пиво.

Эльф снова понюхал свою ладонь и недовольно поморщился.

– Нет, право слово, еще раз увижу этого Вонючку, обязательно выдеру ему язык! Слушай, Кампай, я спать хочу, – заявил Альс, решительно пресекая все попытки орка продолжить беседу.

Поначалу казалось, что сон придет, едва голова коснется подушки. Но не тут-то было: еще некоторое время эльф вертелся с боку на бок. Да еще, как назло, ветер за окном стучал ставнями с настойчивостью заправского попрошайки. В Ветланд шла зима, истинная королева и владычица этого сурового края, где жизнь теплилась только за счет того, что Дождевой хребет отгораживал его от смертельного дыхания Великого Ледяного океана. Недаром ветландцы в шутку

предсказывали, что ежели до месяца верована-спелого снег не стает, то лета не будет. И случались годы, когда мрачная шутка сбывалась дословно. С госпожой Зимой шутки в Ветланде плохи, и каждая разумная и не очень теплокровная тварь торопилась найти место рядом с теплым очагом, чтобы благополучно дожить до весны. А потому о немедленном возвращении в Игергард думать было поздно. И на что бы ни рассчитывал далекий недруг, но Ириена и в более благоприятной обстановке было очень сложно заставить делать что-то против воли. И сколь бы ни подгоняло и требовало немедленного действия злополучное письмо, здравый смысл и опыт нашептывали, что торопиться не стоит, а гораздо умнее будет не пороть горячку, осмотреться, затаиться, а лучше всего дожидаться очередного шага Арьятири и сделать надлежащие выводы. Подобная тактика уже приносила добрые плоды в прошлом и не давала оснований сомневаться в своей пригодности. Право же, глупо уподобляться лесному зверю, которого способны выгнать из надежного укрытия звонкие колотушки загонщиков.

Хорошенько поразмыслив, Ириен решил зимовать в Тэвре, у барона Крэнга, давно звавшего его на службу. Хорошо укрепленная крепость и маленький городок при ней. Он частенько останавливался там и даже успел завести знакомых. Можно, конечно, было отправиться напрямиком в Лаффон, тем более что Ириен, сопровождая караваны через Хейт, изрядно поднакопил денег и мог провести всю зиму в лю-

бой приличной лаффонской гостинице. Но он склонялся все же к тому, чтобы принять предложение Крэнга. Бездельничать всю зиму ему как-то не улыбалось. А Лаффон являл собой тот самый неудобный вариант города, где одновременно много пришлых и все друг у друга на виду. В нынешней ситуации остановка в Лаффоне была равносильна приглашению к совершенно ненужным визитам.

За раздумьями да под теплым одеялом Ириен незаметно скользнул в сон, словно сошел с тропинки в густую высокую траву. Нырнул в сон, как в глубокий омут. Вернее, он сорвался с высокой отвесной скалы и полетел над широкой бескрайней равниной. Серебряные травы колыхал жаркий ветер, и мерцающие волны катились по степи как по морю. Это и было огромное море трав. Великую степь Ириен обозревал с высоты птичьего полета, и зрелище завораживало. Кому хоть раз довелось увидеть эту дикую прекрасную землю, тот никогда не забудет ни терпкого запаха, ни вкуса мельчайшей пыли на губах, ни цепких пальцев горячих ветров в волосах. Ириен тоже не смог забыть степь – край Великой Пестрой Матери.

Сон продолжался. Эльф оказался на земле так же внезапно, как и взлетел. Бело-серебряные ковыли тихонько шелестели под ногами. На теплом камне сидела спиной к нему женщина в платье из домотканого грубого полотна, расшитом пестрыми перышками, бусинками, полированными камушками, какие носят степнячки от мала до велика. Черно-

волосую голову венчала странная корона из листьев, лент, цветов и веток, пчелы вились над ней золотистым нимбом, а на толстых косах сидели синие и пурпурные бабочки. Женщина повернула голову так, что стал виден ее тонкий прекрасный профиль. Она улыбнулась краешком мягких губ и посмотрела на эльфа, словно испуганный олененок, темно-лиловыми сияющими глазами. Она сказала...

И тут он проснулся. Было раннее утро.

Предрассветный час выдался полупрозрачным и пронзительно хрупким. За ночь выпал неглубокий снег, и двор сиял чистотой. Пахло дымом и сырым деревом. Девушка-прачка вешала белье, спеша воспользоваться относительно ясной погодой. Ее черные косы смешно падали со спины на грудь, когда она наклонялась к корзине. Альс некоторое время смотрел на далекие горы, низкое небо и славную молоденькую орку, словно пытался запомнить этот миг навсегда. Мгновение абсолютного покоя, какое бывает так редко, что стоит замереть на месте, чтобы запечатлеть его в памяти. Многое, слишком многое истирается в сознании, мутится сиюминутными желаниями. Внимание рассеивается на пустяки, а что-то главное исчезает безвозвратно. Об этом Альс старался помнить всегда. Хотя он многое отдал бы, чтобы некоторые из его воспоминаний рассыпались прахом.

Девушка заметила или уловила каким-то женским чутьем, что за ней наблюдают, порозовела от смущения и бросила

робкий взгляд на Альса. Он не стал улыбаться в ответ. Да и прачка не сильно возрадовалась тому, что стала объектом внимания эльфа. Она резко опустила глаза и заторопилась с развешиванием белья. Оно и понятно, девушка была прекрасно наслышана о том, чего следует ждать от наемников любой расы. Альс проводил ее одобрительным взглядом и направился напрямик на конюшню. Его лошадь Онита уже порядком соскучилась и радостно фыркнула, когда эльф коснулся ее рукой.

– Привет, милая, – ласково мурлыкнул Альс. – Как спалось моей красавице?

Окрас Ониты делал ее поистине уникальным созданием. Пятна пяти разных цветов – белого, черного, рыжего, серого и желтого, при этом хвост и грива были снежно-белыми. На рынке в Лирзе ее отдали почти даром, за чисто символическую сумму в два полусеребряных скилга. Торговец был счастлив избавиться от «уродки», на которую никак не находился покупатель.

– Какая красивая! – сказал за спиной негромкий мальчишеский голос.

– Почти как дейские кони из Шассфора, – просто ответил Альс, не оборачиваясь. Он прекрасно слышал шаги, пусть даже мальчишка старался не на шуметь.

– А Шассфор – это где?

Ириен посмотрел через плечо на ребенка. Обычный мальчик лет десяти в меховой курточке; скроенной и сшитой по

его размеру, и в таких же аккуратных сапожках. Светленькая челочка, падающая на глаза, маленькое треугольное чисто умытое личико.

«Сынишка какого-нибудь небогатого купца», – решил эльф.

– В Фэйре.

– В стране эльфов?! Ух ты! – наивно восхитился ребенок. – А можно лошадку погладить?

– Можно, – буркнул Альс, продолжая седлать Ониту.

Дети любой расы никогда не вызывали в нем умиления, да и избытком чадолюбия эльф похвалиться не мог.

– А лошадь ваша, она тоже волшебная?

– Нет, самая обыкновенная. Простая лошадиная лошадь. Ты пришел вопросами меня изводить? А ну марш! – начал было заводиться Ириен, но, взглянув на мальчика, остановился на полуслове.

Голубые, как весеннее небо, глаза ребенка были затянуты какой-то перламутровой пленкой и ничего не выражали. Лицо оказалось пепельно-серого, мертвенного оттенка, совершенно бескровные губы медленно беззвучно шевелились.

«Припадочный», – лихорадочно подумал Альс и попытался придержать парня, потому что тот готов был упасть.

– Смерть летит по твоим следам, смерть как пес за твоей спиной, вернись в долину, вернись домой... – сиплым сдавленным голосом, принадлежащим взрослому, внезапно и отчетливо сказал мальчик, глядя прямо в глаза Альсу, едва

только тот коснулся его рук.

Из носа ребенка побежала струйка крови, глаза закатились, а ноги подкосились. Альс едва успел придержать его голову, бессильно мотнувшуюся назад.

– Демоны! Только этого еще не хватало! Откуда ты взялся, сопляк припадочный? – пробормотал Альс, расстегивая куртку на его груди.

– Светлые небеса! Ларэнн!!!

У появившегося весьма своевременно родителя было такое отчаянное лицо, что нехорошие предчувствия Альса только усилились.

– Что это значит? Он что, больной?!

– Нет, господин Альс, он не больной, – медленно пояснил темноволосый немолодой мужчина, старательно массируя виски сына. – Ларэнн иногда видит будущее. Если сильно переутомится, то с ним случается припадок с ясновидением. Если вы, конечно, понимаете, о чем я говорю.

Альс внимательно посмотрел в лицо паренька. Больше всего ему хотелось длинно и витиевато выругаться на родном ти'эрсоне¹ – языке, богатом сравнительными оборотами. Истинных ясновидцев, способных на самом деле различать будущие события в темных потоках времени, а не просто морочить голову доверчивым обывателям, всегда было очень и очень мало. Целые века проходили, прежде чем рождался такой человек. Целые поколения успевали прожить в гар-

---

¹ См. Приложение.

монии с мирозданием, лишённые такого сомнительного счастья, как возможность заглянуть в будущее. И надо же иметь такое потрясающее везение, чтобы в одном из самых глухих углов мира столкнуться с истинным ясновидцем!

Когда-то на заре своей юности Альсу довелось познакомиться с знаменитой Калейос. Было это давно, но о Калейос помнили до сих пор. Пророчества ее сбывались с пугающей регулярностью, слава ширилась и росла, а после ее кончины, как грибы после дождя, пошли самые невероятные легенды. Относительно Ириена Калейос никогда ничего определенного не высказывала, хотя не раз пыталась и даже имела все основания желать эльфу не самого благоприятного будущего. А вот встреча с пророчицей – Матерью Танян стоила Альсу очень дорого, и своим нынешним положением он был обязан именно ее словам. Прямо скажем, отношения с ясновидцами у эльфа не складывались.

– Что он вам сказал?

– Как обычно в таких случаях. Предсказал скорую смерть. Или нескорую. Какая разница? – устало ответил Альс.

– На вашем месте я бы запомнил и сделал выводы, – укоризненно бросил темноволосый. – У Ларэнна такое случается крайне редко, но если уж произошло, то следует прислушаться к его пророчествам. Ларэнн никогда не ошибается.

Мальчишка тем временем потихоньку приобретал живой вид, хотя в сознание не приходил. Краски возвращались на его лицо, губы розовели, и дышал он уже спокойнее, а не

какими-то всхлипами.

«Бедняга, – подумал Альс. – Врагу не пожелаю быть медиумом, какая гадость».

Ларэнн моргнул и приоткрыл глаза.

– П-п-прос-с-тите, – вполне осмысленно прошелестел он. – Я... не хотел.

– Теперь уж ничего не поделаешь, малыш, – успокоил его Альс.

– Вы запомните... – попытался вскрикнуть Ларэнн.

– Не надо, малыш. Не волнуйся. Чему быть, тому и быть. Мы все когда-нибудь умрем. Весь вопрос только в том, дадут ли нам это сделать с достоинством.

Отец и сын ничего не успели ответить, как Альс вскочил в седло заскучавшей Ониты. Видимо, у лошадей свой взгляд на предсказания.

– Прощайте, – сказал он.

Ларэнн бессильно всхлипнул и попытался приподняться.

– Он умрет, папа. Он – Последний.

– Последний кто? – не понял тот.

– Последний Познаватель.

Отец посмотрел на мальчика с недоумением. Кто, демон разбери, эти самые Познаватели?

Ириен встретил рассвет уже за перевалом, на дороге, ведущей в Тоштин. Снег пошел снова, но теперь он был мелкий, противный.

«Нет, ну что за паскудство, — думал эльф. — Два пророчества в течение суток и оба о скорой смерти». Сколько он помнил себя, все время находились желающие предсказать его судьбу, и каждый раз предсказание ничего хорошего не обещало. Десяток таких пророков Ириен с успехом пережил, потому что жизнь у эльфов долгая, а у Ириена еще имелись два острых меча в качестве весомых аргументов, которыми он умело пользовался, каждый раз откладывая исполнение предсказаний на некий неопределенный срок.

На развилке эльф призадумался, с сомнением изучая надписи на путевых столбах. Прямо или направо? И свернул направо. В замок Тэвр.

Глава 2

В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ

Почему места, где разбиваются юношеские мечты, называются по-разному, а выглядят одинаково?

Кенард Эртэ. Человек. Зима 1694 года

Нет, решительно нет ничего горше и тоскливее, чем жизнь в маленькой приграничной крепости на самом краю обитаемого мира, среди мрачных болот и лесов севера, особенно если тебе двадцать лет. Даже жизнью это назвать нельзя, так – унылое прозябание. Раньше Кенарду рыцарю Эртэ казалось, что не существует места хуже, чем замок его родителей. Оказалось, есть. Называется эта преисподняя – Тэвр.

Что такое Тэвр? Это большой неуклюжий замок и прилегающий к нему крошечный городишко, окруженный крепостной стеной. Даже не городишко, а деревня с одной кривой улицей, по которой носятся стаями поросята, гусята, щенки и детишки. Все в одинаковой степени грязные. А если учесть, что в жилах почти у всех местных обитателей течет

хоть немного орочьей крови, то беготня одними истощными криками не заканчивается.

Последний форпост закона в родном краю разбойников, прародине всех душегубов и грабителей – вот что такое Тэвр. Дальше только одинокие орочьи хутора, Черный лес да Дождевой хребет, за которым лежит плоскогорье Хейт – проклятие и благословение Ветланда. Прозрачные и быстрые тамошние ручьи полны золотым песком, который нужно не только добыть, но еще и в целости доставить в столицу. А потому дружина у лорда Крэнга – господина Тэвра так многочисленна, как только можно себе позволить содержать за счет княжеской казны. И если бы Тэвр не занимал столь важную стратегическую позицию на Северном тракте, то никогда бы тут не водилось целых пять воинов, облеченных рыцарским званием. Беда лишь в том, что трое из этих пяти глубокие старики, им по сорок, и еще один сам барон, человек, давно вышедший из нежного возраста.

Среди простых воинов полно молодых парней. В дружину принимается всякий желающий, любой деревенский парень, решивший, что меч прокормит его лучше, чем отара овец или куций отцовский надел. Но водить с ними дружбу разорительно для тощего кошелька молодого рыцаря. В Тэвре не принято платить солдатам денег. Считается, что хватит бесплатной крыши над головой и кормежки. А когда дружинникам удастся расправиться с бандой грабителей, то добыча честно делится между всеми и никто не остается в обиде.

Будущность, которая два года назад представлялась в радужном свете, как то: подвиги, победы над разбойниками, восторженное внимание женщин, на деле обернулась однообразной рутинной патрулирования окрестностей, жестокими и кровавыми схватками с созданиями, лишь внешне напоминающими людей или орков. Дородная супруга барона и его дочка от первого брака – вот и все благородное дамское общество.

Даже тяжелое, полное слез, обид и драк время, когда Кенард служил пажом при княжеском дворе в Лаффоне, теперь казалось ему привлекательнее бесконечного и серого нынешнего существования. Старшие рыцари ни во что его, молокососа, не ставили, подчиненные слушались неохотно, девчонки из прислуги донимали неловкими заигрываниями, а баронская дочь Гилгит – Снежинка, вообще в упор не замечала.

Поганая была жизнь у Кенарда Эртэ, бедного рыцаря, прозябающего в этой дыре без всякой надежды на улучшение участи. И лошадь у него была уродливая, рыжая и злобная, все время норовящая куснуть или лягнуть хозяина. А чего еще ждать от животного, купленного на скудное офицерское жалованье у ворот скотобойни? Из Эртэ денег не присылали уже давным-давно. Наоборот, в письмах мать намекала на желательную денежную помощь от делающего карьеру сына. Короче, жилось парню паршиво, и казалось ему, что паршивее не бывает. Но, как выяснилось впоследствии, молодой

человек сильно ошибался.

Проведя в разъезде все утро, Кенард промерз до костей и мечтал только о теплом одеяле и куске жареной колбасы. Он так живо представлял себе, как Нойа – Пышка, славная орка-повариха, разжарит на свином жиру кусок ароматной колбаски, что в его желудке громко заурчало, а рот наполнился слюной. Но сначала предстояло доложиться занудному и тугому на левое ухо сэру Гэррику, который будет по три раза переспрашивать одно и то же, делая вид, будто уточняет детали. Перспектива проторчать в одной комнате с сэром Гэрриком заставляла полдюжины его солдат взирать на Кенарда с видимым сочувствием. Да что там сочувствие, они почти его жалели.

Один из дружинников ткнул локтем своего товарища и воскликнул ломким юношеским баском:

– Гляди-ка, Доти, там, кажись, драка.

И показал пальцем в сторону.

– Ага, лупят кого-то.

Услышав разговор, Кенард пригляделся и возле лавчонки булочницы увидел потасовку, затеянную мальчишками-подростками. Кого-то били с твердой целью замордовать насмерть. Рыцарь нахлестнул Руду, торопясь выручить неизвестного бедолагу. Боевая лошадь, да еще с таким скверным нравом, как Руда, внесла в потасовку хаос и смятение, заставив драчунов броситься врассыпную. На промерзшей зем-

ле остался лежать мальчик с черными длинными волосами. Одежка его превратилась в грязное рваньё, но Кенарду ничего не стоило узнать в ней расшитую речными камушками курточку и штаны мехом наружу, которые носят обитатели болот. Их еще называют «упырями», но на самом деле они чистокровные люди в отличие от большинства ветландцев. Последние «упырей» считали ужасными колдунами, панически боялись и страстно ненавидели. Но избитому «упыренышу» несказанно повезло, потому что как раз Кенард к таким людям не относился. Он практически вырос среди них и находил их общество приятным.

– Что ты делаешь в городе, ребенок? – спросил он на «упырином» языке, не похожем ни на логри², ни на койл³.

Мальчик поглядел на своего спасителя ярко-зелеными глазами, вытер кровь с разбитого лица и с удивительным, почти взрослым достоинством поклонился, осторожно прижимая раненую руку к груди.

– Вождь Ттутэ послал меня с вестью к воину-сидхи, – ответил он спокойно.

Кенард поморщился, как от зубной боли. Ему совершенно не хотелось связываться с эльфом-наемником. Уж лучше десять раз побеседовать с сэром Гэрриком, чем один раз обратиться к Альсу. Солдаты шептались за его спиной, с опаской поглядывая то на своего командира, то на «упыреныша».

---

² См. Приложение.

³ См. Приложение.

– Ладно, держись за стремя, я отведу тебя к Альсу, – нехотя согласился Кен.

«Интересно, что за дела могут быть у эльфа и вождя болотных людей?» – подумалось ему.

Впрочем, чему тут можно удивляться с тех пор как лорд Крэнг принял на службу столь редкую в ветландской глуши птицу, как наемник-эльф с двумя мечами за спиной. Барон не без оснований считал себя человеком без предрассудков и сразу же доверил господину Альсу подготовку людей из своей дружины. Эльф знал свое дело, судя по тому, как он доводил до полного изнеможения вчерашних крестьян, привычных к тяжелому труду.

Прослышав, что два меча у эльфов могут носить только истинные мастера клинка, тэврские рыцари радости не испытывали. Кто же откровенно признает себя неумехой даже по сравнению с многоопытным эльфом, который по возрасту годился сорокалетнему Гэррику в прадедушки? Сэр Соланг сразу послал эльфа куда подальше, а сэр Донар, будучи совершенно трезв, а потому зол, предложил сначала померяться силами в поединке. Он сильно сомневался, что эльф одолеет трех противников. В ответ на это эльф согласился сразиться сразу со всеми, включая Кенарда, и красиво разделался с ними, расшвыряв здоровых и крепких мужчин в разные стороны, как щенков. Благо обошлось без свидетелей. Альс, заранее все предусмотрев, сделал так, чтобы никто из простых дружинников не дознался о позорном поражении сво-

их командиров. Любви он к себе не завоевал, но рыцари стали относиться к нему с должным уважением, потому что наемник действительно оказался настоящим мастером клинка. Впрочем, кто бы сомневался. Эльф уже несколько лет сопровождал купеческие караваны, причем не только по Северному тракту, но и по Хейту, оставаясь живым, бодрым и здоровым. Лучшего доказательства и не придумаешь.

Отряд во главе с Кенардом въехал во двор замка, и первым, кого увидел рыцарь, был эльф. Господин Альс измывался над вверенным ему отрядом новобранцев – неполной дюжиной парней, набранных из окрестных деревень. Двое из них в толстых защитных куртках неуклюже махали деревянными мечами в учебном поединке. Остальные в стороне переминались с ноги на ногу, стараясь не встречаться с командиром глазами. Эльфы в Ветланд навевались редко, а в окрестностях Тэвра их сроду никто не видел, а потому все старались незаметно делать жесты, отваживающие всякую нечисть.

Несмотря на то что с утра мороз усилился, эльф стоял перед строем в легкой кожаной куртке поверх льняной рубашки, а узкие кожаные штаны были заправлены в высокие сапоги. На него и смотреть-то было холодно. Длинные, стального цвета волосы Альса были зачесаны назад и заплетены в толстую косу, перевитую черными шнурками, открывая всеобщему обозрению острые кончики ушей. Будь Ириен Альс человеком, ему на вид можно было дать лет тридцать-тридцать

пять. Правая сторона лица эльфа была исполосована старыми белесыми шрамами, и, надо сказать, шрамы его совсем не украшали. На критический взгляд Кенарда, эльф слишком напоминал человека, обычного человека с усталым искаленным лицом.

Альс заметил избитого «упыренка» и прервал издевательство, исторгнув из надсаженных глоток новобранцев громкий вздох облегчения.

«Ох и припомнит им эльф этот вздох», – подумал Кен, зная злопамятную натуру нелюдя.

– Что случилось, Аррит? – спросил Альс, игнорируя приветственный кивок Кенарда.

Мальчишка виновато хмыкнул, но вдаваться в подробности не стал.

– Здесь не любят болотный народ, господин Альс, – пояснил Кен. – Его могли забить насмерть.

– Лорд спас меня, – охотно признался мальчик.

– Скажи спасибо благородному лорду Эртэ и пойдем посмотрим, чем я могу тебе помочь, – сказал эльф таким тоном, что у Кена скулы свело от злости.

Эльф умел вызывать к себе удивительно стойкую неприязнь одним своим видом. Достаточно было разок пронаблюдать, как он презрительно кривит рот, обозревая своих сотоварищей по службе, чтобы навсегда потерять охоту заводить с эльфом разговоры. Правды ради надо сказать, что за воинское искусство Альса уважали, но водиться с хладноглазым

эльфом и люди и орки почитали за ненужное излишество. А кроме всего прочего, эльф не пил – ни самогона, ни вина. И хотя все знали, что это не от гордыни, а по причине полной невосприимчивости к спиртному, свойственной его расе, сия особенность тоже отнюдь не способствовала сближению с эльфом.

Первым делом Ириен вправил мальчику руку несколькими неувимыми, но сильными и уверенными движениями. Затем прошелся мягкими невесомыми прикосновениями по всем синякам и ссадинам, отчего боль стала стремительно убывать. Досыта накормил хлебом, медом и сметаной и только потом позволил перейти к делу, которое привело Аррита в Тэвр. Эльф, не ожидая никаких известий от вождя маленького племени, не стал скрывать своего удивления, но мальчика с разговором не торопил. В конце концов, тот исполнял ответственную миссию, за которую его должны были произвести в статус настоящего мужчины. Отправляясь в город, Аррит прекрасно понимал, что рискует жизнью. Понимал это и вождь, а ведь мальчик доводился ему единственным сыном. Для болотного народа честь была не пустым звуком.

– Варо-Зверолов вернулся с Лаффонского торгового десяти дней назад. Он много рассказывал о том, что видел и слышал в городе. Отец решил, что его новости должны достичь твоих ушей, наемник.

– Что за новости?

– Через пролив по льду перешли два человека из страны

Ольавер...

– Наверное, Оллаверн? – уточнил Ириен.

– Да. Так, как ты сказал. Оллаверн. Богатые люди, в дорожной одежде, один со светлыми волосами, второй с черными. Они спрашивали об эльфах. Варо сказал, что они спрашивали о тебе, называли имя Альс. Они были везде: и на базаре, и в трактирах, и в большом доме у князя.

Мальчик говорил медленно и старательно, чувствовалось, что отец заставил его заучить всю фразу наизусть.

– Пигви постилась три дня и три ночи, а потом говорила с духами. Она спрашивала о тебе. Три вопроса задавала Пигви, как велит обычай, но получила четыре ответа, чего раньше не бывало никогда. Пигви обеспокоена, Ттутэ встревожен.

– Что же сказали духи?

– Духи сказали, что у тебя четыре беды. Первая совсем рядом, прячется, как змея в постели. Вторая не так далеко, как ты думаешь, но она пустила корни в твоём сердце, а третья – далеко, но она вылетела из твоего родного дома.

– А четвертая?

– Духи сказали, что четвертая беда – это ты сам для себя.

– Верно, – ухмыльнулся горько Ириен. – Что еще сказала Пигви?

– Она велела тебе опасаться страшного предательства, которое ты никогда не ждал и не ждешь.

Ириен кивнул, но на самом деле он и представить себе

не мог, что могли означать эти предостережения от дикарской шаманки. Эльф считал, что все, кто мог его предать, уже это сделали, и не по одному разу. Впрочем, Пигви знала, о чем толковала. Когда полтора года назад Альс, на свою беду, забрался в самую сердцевину толерской трясины, он и думать не думал, что судьба сведет его со странным низкорослым народцем и с замечательной женщиной, похожей на снежную лисицу. Пигви родилась с белыми волосами и красными глазами. В более просвещенных странах, в Маргаре например, ученые мужи объяснили бы этот факт какими-то естественными причинами, порылись бы в толстенных мудреных книгах и непременно нашли бы записи о подобном явлении. А простодушные «упыри» причислили Пигви к существам, отмеченным духами, и отдали в обучение шаманам. И, несмотря на всю невежественность северных дикарей, похоже, их выбор оказался верным. Пигви действительно могла общаться со странными силами, которые она почитала как духов земли, воды, камня и огня. Мучившее Ириена любопытство относительно этих самых духов так и не было удовлетворено, сколько он ни пытался выведать подробности камлания у шаманки. Как говорил Аррит, женщина предварительно несколько дней постилась и затем просто говорила с голосами, звучавшими в ее голове. И, что самое удивительное, ничего общего с магией голоса не имели.

– Плохо у вас тут, в замке.

Эльф вопросительно взглянул на мальчика, но не слыш-

ком удивился.

– А разве ты не чувствуешь? – воскликнул Аррит, тревожно осматриваясь вокруг. Они укрылись от посторонних глаз в комнате эльфа, расположенной рядом с покоями хозяев. Барон хотел держать наемника-нелюдя всегда под рукой.

– Что? – осторожно спросил Ириён.

– Здесь полно всякого колдовства. Кто-то из тэврских женщин занимается злыми делами, тут даже тебе небезопасно жить. По-нашему оно называется дарр-ина-йагга – сном мертвых, а по-вашему – некто... некро...

– Некромантия. Я знаю. Я тоже чувствую.

Каждую ночь, начиная со дня последнего двойного новолуния, в замке в звуки сонного дыхания людей, мерных шагов часовых на башнях, шуршания крысиных шажков и воя ветра вплетался колдовской ритм. Тихий-тихий, чуть слышимый, как шепот. Обитатели замка, люди и орки, не могли его услышать. Ритм и тихая мелодия, без слов. Тихий-тихий стон или вздох, сменяющийся краткой тишиной, и снова по кругу. Тишина – вздох, тишина – стон. Дрожь рождалась где-то в глубине замка. Будь Тэвр постройкой древней, эльф решил бы, что это какое-то стародавнее колдовство, заложенное в фундамент, жертвоприношение или что-то в этом духе. Но замок вырос буквально за последние три десятка лет, и земля, на которой он был построен, считалась чистой. Строили его люди, никакой волшбы не ведавшие. Ритм же рождался где-то рядом, и был он опасен, как бесцветная струя

яда в бокале воды или как отравленная стрела, посланная в ночь. Несколько раз Ириен выходил на ночную охоту, но пока без всякого результата. Это было сложно даже для Познавателя. Ириен чувствовал себя ищейкой, пытающейся уловить один-единственный запах в огромном зале, битком набитом людьми, которые жарят тухлое мясо с перцем. Очень тяжело поймать сложное переплетение ритмов заклинания. Оставалось надеяться, что кто бы ни был этот незнакомый колдун, он себя рано или поздно выдаст. Не словом, так жестом, потому что для того, кто знает, куда смотреть и что видеть, существуют знаки, которые не скроешь.

– Не стану я ночевать в таком месте, – решительно сказал мальчик. – А то Пигви с отцом заставят очищаться несколько дней.

– Я провожу тебя за городские ворота. Думаю, мне стоит самому поговорить с Пигви.

В сопровождении грозного эльфа никто не посмел не то что слово сказать «упыренышу», но и посмотреть в его сторону лишний раз. С высоты седла, куда посадил его Ириен, мальчишка с нескрываемым любопытством оглядывал городок. Его интересовали и убогие вывески, и домашняя живность, и горожане в домотканой одежде. Особенно теперь, когда они не могли достать его палками и кулаками.

Кенард, сам не зная зачем, подсел к эльфу, который неспешно пришивал новые завязки к рукавам чистой рубаш-

ки. Иголка до того ловко порхала в его руках, словно Альс всю жизнь только и делал, что шил. Стежки ложились один к одному, любая девушка позавидовала бы. Во всяком случае, Кенардовы сестрицы без конца распарывали свое неумелое шитье. Молодой рыцарь успел заметить, что наемник владел кучей ремесел, начиная от кузнечного и плотничьего дела и заканчивая вполне приличной стряпней. Даже с теми делами, которые Кен считал сугубо женскими, эльф справлялся ловко и споро. Казалось, оставь Альса с голыми руками в дремучем лесу, он быстро придумает, как себя обиходить и с голоду не помереть.

– Как дела у мальчика? – спросил Кенард.

– С ним все в полном порядке. Я вывез парня из города, а там его уже ждали. Еще раз спасибо, что заступились за него, сэр Кенард.

Он всегда обращался к Кену в уважительной форме, когда они были не одни. Наедине Альс говорил в весьма ироничной манере и всегда только на «ты». Когда Кен поинтересовался этим обстоятельством, эльф, презрительно морщась, объяснил ему, что тем самым поддерживает его, Кенов, авторитет среди подчиненных и не дает ему расслабляться.

– Да не за что. В детстве я дружил с мальчишками болотного народца. Летом одно племя всегда останавливалось невдалеке от нашего замка, и отец никогда их не обижал, – смущенно пояснил рыцарь свое неожиданное великодушие. – «Упыри» хоть и дикие, но совсем не злые.

– Жаль только, люди в Тэвре об этом не знают, – проворчал Альс, откусывая лишнюю нитку. – Всю жизнь живут рядом, а все равно боятся всякого, кто хоть чем-то отличается от них самих.

– Да, у нас тут суеверий полным-полно, – согласился молодой человек. – Может быть, нет на свете никаких упырей. Вот вы, к примеру, бывали в Хейте и видели там всяких чудищ. Упыри там водятся?

Кенард делал вид, что интерес его празден и вызван временным вечерним бездельем, но от Альса не укрылось его жгучее любопытство. Черта, которая, по глубочайшему убеждению эльфа, оправдывала существование всего человеческого рода. Люди хотели знать даже то, что их совершенно не касалось. Люди хотели заглянуть за горизонт, увидеть больше, чем может охватить глаз, постичь и докопаться до сути. Нет, не все люди были такими. Большинство не желало видеть дальше собственного забора. Но те немногие, что были любопытны и небезразличны, изменяли не только собственную жизнь. Порой они заставляли измениться весь мир. Похоже, рыцарь Эртэ входил в число таких людей.

– Дался вам всем этот проклятый Хейт, – хмыкнул эльф неодобрительно. – Там и без упырей хватает разных тварей. Но если тебя так волнует вопрос упырей, то скажу тебе сразу: тех, кого зовут в Ветланде упырями, а в других местах – вампирами, то есть людей с клыками, коими они сосут кровь у всяческих раззяв, в природе нет.

– А какие есть?

– Есть поднятые из могилы мертвецы, весьма неэстетично рвущие свою жертву на куски и тут же ее пожирающие, отчего и набираются силы. Они безмозглые, но опасные. И чтобы сотворить такое чудище, надо быть довольно сильным магом...

И тут Альс увидел, что рыцарь слушает его раскрыв рот. Еще немного, и придется каждый вечер рассказывать всему замку байки. Такая перспектива его совершенно не устраивала.

– Я в другой раз расскажу, – решительно отрезал эльф. – Идите-ка спать, сэр рыцарь. Кыш!

Молодой человек надул губы от обиды и поспешно удался, бурча под нос какие-то ругательства. Смешное и глупое человеческое дитя. Альс едва сдержался, чтоб не рассмеяться ему вслед и тем самым смертельно оскорбить юношу.

Мысленно Кенард дал себе обещание, что больше по доброй воле с эльфом и словом не перемолвится. Такие обещания он давал с похвальной регулярностью. Чужое превосходство в любой области Кен воспринимал болезненно, и каждый раз ему казалось, что соперник специально пытается унижить и оскорбить его как младшего и неопытного. Так было в начале службы у князя Кириама, когда другие мальчишки-пажи норовили задеть Кена-Из-Глухомани всеми возможными способами, выяснив, что дерется он, как взрослый, а обижается на дразнилки и подколки, как малень-

кий. И в Тэвре ничего не изменилось. По крайней мере, так считал сам Кен.

Холод в его комнате стоял просто смертельный, угли в жаровне остыли, да так основательно, что даже руки согреть было невозможно. А от мысли о том, чтобы раздеться до исподнего, мурашки бесчисленными стадами бежали по спине. Тоска набросилась на Кена, как оголодавший лесной зверь. Тьма за окном, дрожащий огонек масляной лампадки, холод, скука и одиночество – вот из чего состояла его жизнь в Тэвре. И хотя матушка всегда говорила, что греха хуже самоубийства нет, в такие мгновения Кенарду отчаянно хотелось умереть, чтобы все беды-злосчастья разом кончились.

Три года назад, в ночь перед посвящением в рыцарское звание, накануне исполнения самой заветной его мечты, ранее почти недоступной и все же сбывшейся, Кенард тоже не спал. Не полагалось. Но он все равно не смог бы смежить веки от восторга, от предвкушения, от счастья, в конце концов. Он, младший сын бедного владельца, не смел надеяться на золотые шпоры и меч. Ах и еще раз ах! Гордость отца, радость матери и целая жизнь впереди, наполненная свершениями, подвигами и победами. Да, именно победами. Кенард Эртэ был лучшим учеником Поллара Лаффонского, первого клинка княжеского двора.

И что в итоге? А ничего. Ничего стоящего, ничего хорошего, ничего значительного. С таким же успехом он мог бы торчать в замке отца и командовать полудесятком деревен-

ских увальней с мякиной вместо мозгов. Нет, нельзя сказать, чтобы служба у барона была такой уж безопасной, но шайки грязных оборванцев, вооруженных в лучшем случае ножом или палкой, – совсем не то же самое, что сверкающие стальными латами полчища врагов. Где трепещущие знамена? Где громовые звуки труб и рогов? Где устрашающее лязганье стальных доспехов? Где вопль из тысячи разъяренных глоток? Где восхищенные взгляды юных дев? Нет, нет и еще раз нет ничего похожего. И взгляд Гилгит чаще всего насмешлив и снисходителен. Синие глаза ее холодны, как звезды над болотами.

Кенард Эртэ заснул весь в слезах, с опухшим носом и мокрыми щеками, но спал скверно, вертелся, то проваливаясь в жуткие видения, то приходя в себя, и так без конца. Этой ночью обитатели замка спали очень плохо: плакали во сне дети, женщины вскрикивали и просыпались, измученные кошмарами, мужчины скрипели зубами, выла выюга.

Но долгожданное утро, темное и морозное, принесло только беду и тревогу. Кухарки, зайдя в кладовую за мукой для утреннего хлеба, к ужасу своему обнаружили, что запасы испорчены полчищами крыс. Ковер из визжащих черных тварей копошился на том месте, где еще вчера добрые люди брали муку, масло, солонину, сыры, колбасы, пшено и сало. Переполох из замка перекинулся на городок, где тэврцы бросились проверять собственные запасы, которые постра-

дали меньше, но вполне ощутимо для того, чтобы призрак голода замаячил пред мысленным взором каждого мужчины и каждой женщины. Тогда из крохотного храма Владыки Небес – Аррагана приволокли ничего не понимающего старичка жреца, который только руками разводил. Такого количества крыс, да еще посреди зимы, тут никогда не видели. Твари без всякой боязни бросались на людей, словно бешеные. Их необычное поведение наводило на мысль о вмешательстве колдовства. Вот тут-то все и вспомнили о давешнем мальчишке-упыре.

Растрепанные женщины толкались за спинами сосредоточенных молчаливых мужчин. Почти у каждого были дети, которые скоро попросят кушать, а дать им будет нечего. И кучка воинов с оружием не смогла бы противостоять обезумевшей от страха и ярости толпы. Два десятка лучников на стене да четверка рыцарей. В наспех надетой первой попавшейся одежде даже такой мощный мужчина, как барон, казался испуганным и нерешительным.

– Мы не бунтовать собираемся, милорд, – как всегда рассудительно сказал полуорк Сэнай, замковый кузнец, ростом и силой не уступавший барону. – Раз упыри навели колдовство, то пушай и отвечают за потраву. Пошто твой наемник упыренка давеча приволок?

Полуорк говорил тихо, но от его спокойного голоса под теплую куртку к Кенарду забрался самый настоящий страх.

«У Сэная двенадцать детишек, и они останутся голодными»

ми», – подумал он внезапно.

Кен, наверное, единственный из всех собравшихся, понимал, что мальчишка Аррит тут ни при чем, как, впрочем, и остальные болотные люди, сколько их там ни есть на ветландских болотах и трясинах.

– Выбирай выражения, полуорк.

Это сказал эльф, появившийся, как обычно, совершенно незаметно и бесшумно. Кен тяжело вздохнул. Альс выступил один против толпы. Длинное одеяние с разрезом до пояса спереди и сзади для удобства верховой езды, стальные пряди волос на плечах и два неизменных меча, скрещивающихся за спиной. Альс даже не соизволил извлечь клинки, скрестив руки на груди и сверля кузнеца тяжелым взглядом.

– Мои дети могут помереть от голода из-за твоих упыриных знакомцев, – ответил Сэнай и почему-то добавил: – Я не боюсь тебя, эльф.

– Зря, – ответил тот. – Он ни в чем не повинен. Обычный человеческий ребенок.

– Все упыри – колдуны!

Толпа за спиной кузнеца зашумела, мужчины явно осмелели и сделали в сторону эльфа небольшой шаг. Но тот не сдвинулся с места, только смерил всех ледяным взглядом.

– Хочешь подраться?

– Заткнись! Не то самого крысам скормим!

Серебряные глаза эльфа безошибочно выхватили из толпы крикнувшего это тощего парня с жидкими космами ру-

сых волос, закрывающих глаза, и размахивающего кухонным тесаком.

– Вот как? Какой ты стал храбрый, Рони, – улыбнулся эльф. – Для посудомоя это очень опасные слова.

За три года Кенард так и не смог запомнить имена всех обитателей замка, но он готов был поклясться, что Альс знал поименно каждого конюха, судомоя, скотницу или оружейника, а также их детей. А если бы ему сказали, что эльф знает клички всех кошек, собак, свиней и коз, то и тут Кен ничуть не удивился бы.

– Похоже, что я никого переубедить не смогу. И пытаться не буду, – спокойно заметил Альс и вытащил из ножен свои мечи. – Ну?!

Что-то было в нем такое, что не давало сильным и совсем не робкого десятка мужчинам: людям, оркам и метисам пойти навстречу зеркально сияющей стали, на которую падали снежинки. Мечи вызывали у Кена трепет и восхищение. Это были не грубые неуклюжие орудия, выходящие из тех же рук, которые с большей охотой и радостью куют плуги и мотыги. У самого Кенарда оружие выглядело неказисто, несмотря на яшмовые украшения на рукояти. Мысленно Кен обозвал один из эльфовых мечей «змеиным», другой – «птичьим». Небольшая круглая гарда, состоящая из переплетения растительного орнамента и рунических значков, у одного меча переходила в удлиненную рукоять с чешуйчатой насечкой, заканчивающуюся наверху – когтистым ку-

лаком-лапой, а у второго рукоять изображали переплетенные змеиные тела с навершьем в виде змеиной головы. И без всяких драгоценных камней мечи казались сокровищами. Лезвия – как два сверкающих луча лунного света, длинные, сужающиеся к концу, ромбические в поперечном срезе.

Сэнай угрюмо молчал. Глубокая складка залегла между его широкими бровями, и жилка билась на смуглом виске, но Кенард чувствовал, что кузнец хоть и зол до безумия, но умирать не хочет. И прекрасно понимает, что, сделай он шаг в сторону эльфа, и жизнь его, хорошая и спокойная жизнь, кончится в крови и муках.

– Будь ты проклят! – прошипел полуорк. – Будь ты проклят...

Ненависти, которая плескалась в его глазах, хватило бы, чтобы затопить весь Тэвр по верхушку главной башни, и она обжигала, как кислота. Кенард на месте Альса отныне поостерегся бы поворачиваться спиной к кузнецу, но, похоже, эльфу было все равно. Он еще некоторое время постоял на ступеньках, провожая непроницаемым взглядом разбредающих в разные стороны челядинцев, и только потом спрятал оружие в ножны.

– И все же с крысами нужно что-то делать, – сказал он, обращаясь к барону. – Да и с припасами тоже.

Лорд Крэнг длинно и грубо выругался, отводя душу самым доступным способом.

– Похоже, придется организовать охотничьи отряды в

Чернолесье, – сказал сэр Гэррик. – Без свежего мяса мы ноги здесь протянем. Ты хорошо стреляешь, Кении?

Кенард кивнул. Луком и самострелом он владел неплохо, и глазомер у него был приличный. Для обычного человека. Так говорил Альс, а его мнению Кен доверял больше, чем собственному. Лучшими стрелками, разумеется, были орки и эльфы. Даже простой пастушок с орочьего хутора бил белку в глаз, а уж лучше следопытов, чем орки-горцы, в природе не существовало.

«Это хорошая идея», – подумал рыцарь. С Альсом и орками они добудут много дичи, и обитатели Тэвра смогут пережить эту зиму.

– А крысы? – Сэр Соланг вопросительно воззрился на эльфа.

– В городе должен быть крысолов, – равнодушно ответил тот. – Я думаю, нам стоит побеседовать в более удобной обстановке. У меня есть некие соображения, которые вам следует знать, лорд Крэнг.

И то, как Альс посмотрел на барона, заставило Кенарда напрячься всем телом. Ничего хорошего от эльфьих соображений он не ожидал.

О том, что в замке происходит что-то серьезное, лорд Крэнг догадался и сам. Он уже несколько дней наблюдал за эльфом, вдруг преобразившимся из равнодушного мучителя солдат в хищного и опасного охотника за неведомой дичью.

Изменение, на первый взгляд совершенно неощутимое, для старого опытного вояки было столь очевидно, что он только диву давался, как этого никто, кроме него, не заметил. Глаза у эльфа превратились из стеклянных в ярко-серебряные. Жесты, и до того удивительно изящные и ловкие, исполнились запредельной грацией. Альс охотился. Иначе назвать произошедшую метаморфозу барон не мог. Он и на себе ловил внимательный взгляд эльфа, от которого мурашки бежали по позвоночнику. Ириен напоминал тэврскому барону большого пятнистого белого кота, который живет высоко в горах и слывет самым хитрым и отважным хищником. Делиться своими соображениями с Гэрриком или Солангом он не торопился. Крэнг ждал, когда Альс соизволит посвятить его в свои тайны. И не напрасно.

Из окон господской горницы открывался вид на Северный тракт, который в середине зимы был безлюден. После недавней оттепели разбитая колея смерзлась в непроходимые ухабы, по которым не то что конный, пеший рисковал переломать себе ноги. Выпавший ночью глубокий снег укрыл унылые и неприветливые круглый год холмы, поросшие низким кустарником, серые валуны, низкорослые деревья. И только на горизонте чернела гряда Дождевого хребта. Рыцаря Эртэ от этого зрелища уже мутило. Южнее тракта огромной синеватой шкурой лежал дремучий лес, именуемый на картах Старым, а в местном просторечье – Чернолесьем.

Леди Тариссу с рукоделием и леди Гилгит, по обыкнове-

нию бесцельно торчавшую у окна, а также девчонок-служанок с пятачками без всяких церемоний барон выгнал вон. Пышущий жаром камин, удобные кресла и толстая дверь – то, что нужно для военного совета. Гилгит на прощание смирила Кена презрительно-насмешливым взглядом, заставив того покраснеть и смутиться. Словно дерзкая девчонка застала его за каким-то позорным делом. А может, виной тому ее точеная фигурка, затянутая в тяжелое темно-синее платье, отороченное белым мехом на высокой груди. Белый и синий цвета в нарядах Гилгит преобладали всегда, как будто она специально соревновалась в белизне кожи с мехом снежной лисички, а синевой глаз – с дорогой заморской краской индиго. В ее черной шелковистой косе синяя атласная лента обычно переплеталась с ниткой речного жемчуга. К Гилгит молодого рыцаря нестерпимо влекло, и в то же время он до смертной дрожи страшился подойти к ней ближе, чем это позволяли приличия. Одного только ласкового слова, да что там слова, одного теплого взгляда достало бы, чтоб юноша положил свое наивное сердце к ее ножкам в расшитых бисером башмачках. Гилгит же доставляло удовольствие наблюдать за муками парня и терзать его деланным пренебрежением.

Лорд Крэнг расположился в кресле возле огня. Утренняя нервотрепка и беготня в одном исподнем порядке его утомили. Казалось, он весь сосредоточился на том, чтобы согреть руки, не обращая внимания на тихую перебранку сво-

их рыцарей, но Альс не обманывался насчет безучастности лорда.

– Тебя, мастер Альс, похоже, не слишком удивляют наши сегодняшние несчастья? – спросил барон, бросая на эльфа подозрительный взгляд.

– Не слишком, – согласился тот.

Эльф, по странной своей привычке, не сел, а стоял, прислонившись плечом к простенку между высокими окнами. Лорд Крэнг подозревал, что тому просто приятно взирать на людей с высоты своего немалого роста – сверху вниз.

– Думаю, ты хотел с нами поговорить без лишних свидетелей, мастер Альс.

– Верно. Но сначала я хочу предупредить еще раз всех вас, благородные господа. Если хоть одно слово дойдет до чужих ушей... до любых других ушей, кроме тех, которые я вижу здесь и сейчас, то следующее утро для вас не наступит, – сказал Ириен.

На некоторое время эльф умолк, словно в последний раз обдумывая предстоящий разговор. Благородные господа терпеливо ждали, отчаянно борясь с зудом любопытства. Кенард постарался не упустить ни единого слова.

– Не томи, мастер Альс, – пробурчал сэр Соланг, нервно теребя длинный ус.

– По моему глубокому убеждению, в Тэвре уже некоторое время происходят очень нехорошие вещи. И крысы, пожравшие наши запасы, – лишь начало чьих-то далеко иду-

щих планов.

– Одним словом, в замке кто-то колдует во вред всем, – резко сказал барон.

– Да, именно так. Во вред, во зло, называйте это как хотите... Кстати, сэр Кенард, а как вы относитесь к некромантии? – невозмутимо поинтересовался эльф самым легкомысленным тоном.

Кен поперхнулся собственным дыханием. Он ожидал чего угодно, только не такого вопроса. От гнева он покраснел, как рак, готовый бросить в лицо нелюдю самые черные ругательства. Но в последний момент сдержался, и одни только светлые небеса знают, чего это ему стоило. А эльф с неподдельным любопытством наблюдал за игрой эмоций на лице юноши.

– Объяснитесь, мастер Альс, – сухо потребовал молодой ветландец.

– А как же иначе? – хмыкнул эльф. – Но ты не ответил на мой вопрос. Так как?

Кенард невольно поежился. За некромантию в большинстве королевств полагалось посажение на кол, а кое-где за проливом практиковали разрывание лошадьми. А если уж кого из магов уличали в сем непотребстве, то такому преступнику кол мог показаться быстрой и легкой смертью.

– Я полагаю некромантию серьезным и опасным преступлением, – отчеканил молодой человек. – Я полагаю, что тот, кто занимается подобными делами, заслуживает смерти. И

чем скорее его настигнет правосудие, тем лучше.

Эльф снова окатил Кена холодным взглядом, в котором ничего невозможно было прочесть.

– Ты сам это сказал... – задумчиво вымолвил он и продолжил уже иным тоном, словно не замечая рыцаря Эртэ: – Здесь, на севере, на многие вещи смотрят иначе, чем... э-э-э... везде. Холодная жестокая земля, долгие темные ночи, смерть так близка, что ее дыхание почти ощущаешь рядом с собственным дыханием. Жизнь здесь мало ценится, лето и радость коротки, ветер пронизывает до костей. Здесь родина многих культов, связанных со смертью, умиранием, небытием. В Черном лесу еще живут старые шаманы давно позабытых племен, для которых жизнь была всегда лишь изнанкой смерти, и они презирают жизнь, делая ее прислужницей Великой госпожи. Ты ведь уроженец этой земли, Кенард Эртэ. Неужели ты никогда не слышал страшных сказок о злых духах, о демонах и о Восставших из Тьмы?

Ледяные пальцы стиснули горло Кенарда, злодейка зима запустила острые когти ему прямо в грудь, разрывая теплое тело, вынимая сердце, вонзая в него острые ледяные зубы...

– Очнись, Кен!

Рыцарь вздрогнул, и невидимые чары рассеялись, осыпаясь незримыми льдинками на пол вокруг его трясущихся ног. Кен тяжело дышал и с ужасом взирал на спокойного эльфа. Глаза остальных рыцарей, взрослых мужественных людей, неоднократно заглядывавших в лицо самой смерти, бы-

ли полны детского бескрайнего ужаса перед колдовством.

– Зачем вы это сделали? – шепотом спросил сэр Гэррик.

– Что сделал? – делано удивился эльф, приподнимая брови. – Рассказал вам о мире, в котором вы живете? Еще совсем недавно ты, Кенард, ни за что не поддался бы на мои слова. Это ведь просто слова, не более того. Сейчас совсем другое дело, и я дал возможность тебе почувствовать, что вокруг происходит.

– А что изменилось?

Кенард чувствовал, как его голос слабеет, словно у недужного, теряющего последние силы. Такого с ним никогда не случалось.

– Очень многое. Ты, например, хорошо спишь в последнее время? – поинтересовался эльф. – Тебе не снятся темные перелески, камни и высохшие ручьи? А вам, господа? Что за сны видите вы в последние дни? Не хотите припомнить?

Его голос звучал зловеще, словно странное и опасное заклинание. Кенард втянул голову в плечи. Сны действительно были. Камни в пожухлой траве, белые и блестящие, как черепа неведомых животных, зыбкий туман над невидимой рекой, которая не то шептала, не то звала. После таких снов Кенард просыпался в ознобе, разбитый и не способный до полудня собрать воедино расшатанные чувства. Там, в его снах, всегда кто-то плакал, жаловался или стонал. Где-то за туманом, в овраге, в траве кто-то ходил и шептал незнакомые слова, от одного звука которых хотелось спрятаться. И

вместе с тем они манили к себе, звали в туман. Воспоминание о снах росло снежным комом. Как странно, а ведь раньше он сразу забывал о неприятном видении, стоило только открыть глаза и увидеть знакомые стены своей комнаты.

– Я вижу, ты понимаешь, о чем я говорю, – вкрадчиво сказал Альс, наклоняясь к Кену ближе, чтобы видеть его глаза. – Тебе снятся страшные и непонятные сны. И уверяю тебя, что большинству обитателей замка снится то же самое. Только они не могут ничего припомнить, а ты вспомнил. Вернее, я немного помог тебе.

– Что это, мастер Альс? Что с нами происходит? Колдовство? Зачем?

Теперь ни один из тэврских рыцарей не выглядел равнодушным, в том числе и барон Крэнг. Он был человеком неглупым и рассудительным, за что его уважали вассалы и сам князь Кириам. Как большинство северян, высокий и широкий в плечах, с кулаками, как кузнечные молоты, барон в жизни руководствовался простым здравым смыслом. В существование некроманта в замке он поверил сразу, хотя бы просто потому, что он сам, всегда просыпавшийся засветло, вдруг стал спать чуть ли не до полудня и потом едва сползал с постели.

– Значит, колдун у нас завелся? – переспросил он, запуская пятерню в густую пепельную шевелюру. – Нехорошо это. И крыс он тоже наслал. А что еще он может сотворить? Эльф немного задумался.

– Это некромантия, милорд. В замке живет некромант, и каждую ночь он насылает на всех нас сны, цель которых – поработить наши души. Заметьте, не убить нас, но обрести власть над той сущностью, которая принадлежит даже не нам самим, а Творцу, – сказал он мрачно. – Меня такая перспектива не устраивает. Вас, я думаю, тоже.

Конечно, кому понравится, если украдут и поработят его душу? Кенарду стало как-то совсем неуютно, он со страхом оглянулся вокруг. Теплый зал с коврами и гобеленами на стенах, обычно такой уютный, показался ему пропитанным холодом и смертью. Вот уж действительно: не знаешь, откуда придет в дом беда.

– И как вы думаете, мастер Альс, кто этот колдун? – осторожно спросил Крэнг.

– Не колдун, а колдунья, – поправил его эльф. – Это магия женщины. Я почти уверен. Причем некромантка не слишком опытна, хотя и сильна. Иначе не потратила бы на обряд столько сил. Все это наведение снов – лишь свидетельство малого опыта. Будь на ее месте опытный шаман, все обитатели замка уже давно стали бы покорными живыми покойниками.

– Женщина? Может быть, Голта? – предположил Кенард. Старая орка, вся ссохшаяся, как кочерыжка, сварливая и злющая, каждый раз как видела Кенарда, норовила сказать ему вслед какую-нибудь гадость. Ее черная татуировка, словно уродливый цветок, росла из левого плеча и покрывала всю

шею, отчего старуха казалась еще страшнее. Настоящая старая ведьма. Кенард был уверен, что она и есть некромантка.

– Нет, Голта совершенно ни при чем, – сказал Альс. – Равно как и все остальные орки в замке. Зря ты возводишь напраслину на уважаемую женщину. Ты должен знать, что некромантией могут заниматься люди. И только они.

– А вы тоже колдун, мастер? – вырвалось у Кенарда, и он мгновенно пожалел о своей оплошности. Негоже самому младшему высказываться впереди лорда, но, похоже, этого никто не заметил. И сам барон тоже.

Эльф невесело усмехнулся, искривив и без того кривой рот:

– Нет, я не колдун. Хотя отрицать не стану: у меня тоже есть дар, но он несколько иного свойства. Можно так сказать.

– Поэтому вы и учуяли некроманта, – догадался барон. – Я заметил, что вы охотитесь за кем-то. Прямо как снежный барс.

– Я охочусь как эльф, милорд, – улыбнулся Альс и изобразил легкий поклон. – Каковым и являюсь. Но вы достойны похвалы за наблюдательность. Мое прозвище так и переводится с ти'эрсона. «Альс» означает «охотник».

– Значит, под подозрением у нас женщины, все людские женщины. Все? – спросил молчавший до сих пор сэр Донар.

– Абсолютно, – кивнул эльф.

– Даже леди Тарисса и леди Гилгит? – изумился Кенард. – Они тоже?

– Разумеется.

«Только не Гилгит, – подумал рыцарь. – Она – самое невинное создание на свете».

С тех пор как Кенард появился в Тэвре и увидел дочку лорда Крэнга, многое в его жизни изменилось. Раньше он не понимал, как это может быть, чтобы взрослый мужчина ночи напролет думал о тоненькой пряди на виске, об изгибе стройной шеи и о... всем остальном. А теперь молодой человек именно этим и занимался. Он прекрасно понимал, что никакой надежды на общее будущее у них нет и быть не может. Но разве не благородно любить прекрасную деву издалека и без взаимности? Только так и можно, если желаешь считать себя человеком, наделенным душой.

– Что же мы станем делать? – решительно спросил сэр Гэррик. Он был уверен, что эльф уже успел придумать что-то для противостояния черному колдовству. – Если не с колдуньей, то с крысами?

Эльф нехорошо прищурился, словно разглядывая что-то одному ему видимое прямо сквозь стену.

– Я думаю, даже если крысолов не найдется, у дарра Минго, вашего жреца, в храмовых свитках должно иметься хоть одно заклинание против грызунов. А вот что касается некромантки... Тут дело сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Я постараюсь что-нибудь придумать. А пока, я думаю, стоит наложить запрет на выход из замка.

– Для всех женщин? – уточнил Гэррик.

– Вообще для всех. Так будет менее подозрительно, – приказал барон, понимающе переглянувшись с эльфом. – И еще, есть и у меня одна мыслишка.

Некоторое время барон размышлял, размеренно прохаживаясь от стены к стене, заложив по привычке большие пальцы за широкий пояс. Рыцари терпеливо ждали.

– В Мельницах уже лет десять живет колдун. Вернее сказать, настоящий маг. Звать его Тронгарс, – весьма недовольным тоном начал Крэнг.

– Тот самый Тронгарс? – нахмурился сэр Соланг.

– Тот самый. Говнюк он, и связываться с ним себе дороже выходит, но, видно, делать нечего. Ты только не подумай, господин Альс, что я тебе не доверяю. Однако ж стоит подстраховаться. Маг нам не помешает. Ты, сэр Гэррик, возьми несколько человек и отправляйся в Мельницы за Тронгарсом. Сули денег не скупясь и без колдуна не возвращайся.

Рыцарь согласно кивнул. Все почему-то посмотрели на эльфа, но у него не нашлось возражений. В одиночку воевать некроманта ему не хотелось.

– Милорд, а не одолжите ли вы мне в помощь Рыцаря Эртэ? – внезапно попросил Альс. – Он человек смысленный и вполне заслуживающий доверия, – загадочно проговорил он.

Барон, конечно, согласился. Кенард же остался в полном недоумении и растерянности. С одной стороны, находиться на побегушках у эльфа удовольствие сомнительное, но,

с другой – с Альсом он будет защищен от чар неизвестной колдуньи, способной захватить его душу в плен. Кенард прекрасно помнил жуткие сказки, которыми любила потчевать их с сестрами старая нянька. В них все всегда кончалось плохо. В северных сказках всегда в самом конце героев настигали проклятия, по их душу являлись демоны и утягивали бедолаг в Нижние миры. А все это случалось по наущению обидчивого и злопамятного мага-шамана.

«И почему я всегда считал эти сказки выдумкой?», – подумал с тоской Кенард.

То, что мастер Альс не знает, что такое отдых и пощада, Кен догадывался и раньше, но убедиться в этом на собственной шкуре ему пришлось без всяких скидок на возраст и неопытность. Почти весь день, холодный и ветреный, они провели в седле, объехав округу в поисках чего-то, Кену совершенно неясного. Эльф ни в какие подробности его не посвящал, досадливо отмахиваясь от любой помощи. В Клычем урочище они насобирали целую вязанку сухого огнецвета. Потом долго петляли меж кривых айсенн у болота, пока эльф наковырял каких-то корешков, а уже под вечер очутились на старом погосте. Здесь лет двадцать никого не хоронили, многие могилы провалились, а кусты и деревья, наоборот, разрослись, и кладбище, особенно летом, больше походило на небольшую рощицу. Летом детишки из Тэвра днем бегали сюда за ягодами, а новолунными темными

ночами жаждущие отличиться мальчишки испытывали себя на смелость. Место мрачноватое, но, на взгляд Кенарда, не опасное и не страшное.

– Иди-ка сюда! – позвал его эльф, и голос его рыцарю не понравился.

То, что он увидел, тоже не понравилось. Совсем.

Альс сидел на корточках возле разрытой ямы и вертел в руках деревянную дощечку с грубыми, выжженными огнем рунами. «Милика Бэннф» написано было там на общем.

– Скорее всего, эта Милика была женщиной бедной и одинокой. И когда она умерла, ее закопали на брошенном кладбище, а не на новой освященной земле, – рассуждал Альс вслух.

– Похоже на то, – согласился Кен. – Но могила, видимо, была разрыта.

– Осенью, – согласился эльф и швырнул табличку на дно могилы. – И это сделали не звери.

Он обошел кругом все кусты, периодически поддевая носком сапога занесенные снегом кучи листьев, пока не наткнулся на то, что искал.

– Ага, вот и наша покойница, – заявил эльф.

– Где? – ахнул Кенард.

Из-под слоя смерзшейся грязи и травы торчали седые космы человеческих волос. Плоть на черепе истлела, оставив только желтоватую неровную кость. Голова была отделена от тела, кости которого уже успели растащить животные.

– Здесь некромантка пробовала поднимать свежего покойника, – пояснил Альс в ответ на полный ужаса взгляд молодого человека. – И ей все удалось.

– Может быть, могилу раскопали лисицы? – предположил Кенард, не желая верить в увиденное.

– И отрезали мертвецу голову ножом. Смотри, какой ровный срез. Это сделали не лисицы.

– И что это может означать?

– Только то, что женщина, которая умеет поднимать мертвых, может оказаться очень и очень опасным врагом.

От его слов мороз продрал Кенарда по коже и скрутило где-то в желудке. Он очень ясно представил себе, как в прохладную осеннюю ночь из земли вылезает начавший разлагаться мертвец и ходит вокруг закутанной в черный плащ колдуньи. В его фантазиях колдунья здорово смахивала на Голту. А как еще могла выглядеть любительница оживших покойников?

– А чем некроманты отличаются от других колдунов? – спросил Кен, чтобы развеять тяжелое, мрачное молчание эльфа, когда они ехали обратно в замок. – Или это тайна?

– Нет, не тайна. Среди людей рождаются иногда такие, которые обладают магический силой. Они могут управлять стихиями, наводить морок, превращаться и исцелять. Много чего могут, короче говоря. А вот некромант – это обычный человек. Самый обыкновенный, такой, как ты, или барон, или сэр Соланг, лишенный какой бы то ни было волшебной

силы. Его невозможно выделить среди остальных. А чтобы творить свои чары, он пользуется книгами. И даже книги эти ничем не отличаются от остальных, разве только переплетены они не совсем обычно.

– Как это – «не совсем обычно»?

– Потом увидишь, – ухмыльнулся Альс. – Человек в точности выполняет обряды, которые описаны в книге, и с их помощью добывается желаемого.

– Например?

– Скажем, если бы та женщина, Милика, была при жизни богачкой и где-то прикопала накопленное золото, то некромант, подняв ее из могилы в течение трех дней после смерти, мог заставить покойницу рассказать, где она спрятала клад.

– Ух ты!

– Это самое безобидное, что может сделать опытный некромант. Обряд должен быть соблюден до мельчайших деталей. Все нужно учесть: день, фазы обеих лун, состояние самого некроманта.

– Значит, этим делом может заняться практически любой человек? – изумился Кенард.

– В принципе – да, – согласился Альс. – Если, конечно, каждый способен приносить в жертву новорожденных детей, варить живьем птиц и животных, жрать всякую гадость, тогда можно и так сказать.

– Фу! – скривился Кен, сплевывая себе под ноги.

Наблюдая за его гримасами, Альс расхохотался, давая Ке-

нardu полюбоваться ровным рядом белоснежных зубов.

– Не слишком аппетитно, правда? Трудно представить, что рядом с нами живет женщина, способная на такие ужасные вещи. А она есть и прекрасно себя чувствует.

– Но почему? Почему такое случается с людьми? – спросил Кенард, ни к кому, собственно, не обращаясь. – Что может заставить обычного человека взяться за подобное ремесло?

Эльф ничего не ответил, пропустив вопрос мимо ушей, не пожелав, как видно, опускаться до разъяснения прописных истин. И тут Кен его понимал. А что заставляет людей становиться злодеями, насильниками и убийцами, отравителями и мучителями? Или это упущение богов, или происки демонов, или часть человеческой сущности? Кенарду не нравилось задумываться над такими вещами, размышления заводили его слишком далеко.

К вечеру пошел снег, грозящий превратиться в метель. Когда Альс и Кенард вернулись в Тэвр, она уже бушевала всюю. Кенард продрог до костей и помышлял только о тарелке горячей похлебки с куском хлеба. Но ужин, выданный в трапезной, смело можно было назвать издевательством. Барон распорядился урезать паек, чтобы растянуть уцелевшие от нашествия крыс запасы на больший срок. А потому воинам подали только по кружке пива и по ломтю вяленого мяса. Замок гудел, как растревоженный улей, но Кенард, прислушавшись к разговорам, понял, что никто из присутство-

вавших на утреннем совете рыцарей не проболтался. Сплетни бродили чудовищные, предположения строились всевозможные, но про некромантов никто и не заикался.

«Нужно все же предупредить Гилгит, – подумалось Кену. – Мало ли что».

Но зловредный эльф, казалось, решил заполнить жизнь молодого рыцаря своим присутствием полностью и без остатка. Сразу после ужина он заставил Кенарда разбирать дневную добычу. Колючий огнецвет пришлось ломать на мелкие кусочки, отделяя колючки, спящие почки, сухие отростки и молодые побеги. Невероятно утомительное и скучное занятие, тем более что эльф сел рядом, не давая отвлекаться, не то что сделать шаг в сторону женской половины.

Глава 3

ПОБОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ

*Это только на первый взгляд выражения
«Колдун колдуна видит издалека» и «Лечи подобное
подобным» никак не связаны между собой.*

Ириен Альс. Эльф. Зима 1694 года

Утром вернулся сэр Гэрриксо своими молодцами и с волшебником. На взгляд Кенарда, тот производил самое благоприятное, если не сказать благодное, впечатление. Как настоящий, всамделишний маг. Пожилой мужчина высокого роста с полуседой окладистой бородой, темноглазый, закутанный в длинный и широкий светло-серый плащ с белой опушкой. Держался маг достойно, с большим посохом, увенчанным блестящим камнем, не расставался, говорил спокойным голосом. Что лорд Крэнг нашел в нем неприглядного, Кенард в толк взять не мог. В Лаффоне при княжеском дворе жили свои волшебники, и Кен, будучи в пажах, насмотрелся на них вдоволь. Люди они были разные, по большей части неприятные, чванливые и на редкость злопамятные. Слу-

гам доставалось от них как ни от кого другого. Один только мессир Конном чего стоил. Его вечно недовольную физиономию Кенарду доводилось наблюдать по сорок раз на дню. Волшебник был чрезвычайно неопрятен, ругался, как портовый грузчик, волочился за каждой юбкой и никогда не скупился на изощренные наказания для слуг. При князе состоял еще целитель – мессир Матсей, один вид которого повергал дворцовых мальчишек в трепет. Его змеиные холодные глаза пригвождали жертву к месту, и далее ничто не могло спасти нерадивца от положенного часа нудных поучений. При этом целитель неприятно потирал вечно влажные, прохладные пальцы, похожий на какое-то гигантское насекомое. После этих наблюдений Кенарду стало казаться, что магия сродни болезни, превращающей нормального человека в ходячее несчастье для окружающих. Приглашенный же бароном волшебник являл собой полную противоположность сложившимся впечатлениям. Спокойный, любезный и вежливый господин, обладатель приятных манер и негромкого голоса.словно вышедший из сказок про добрых магов, защитников справедливости и добра, помогающих героям победить Зло и наказать негодяев сказок, которыми в детстве так увлекался Кен. Как-то мать не пожалела трех серебряных ягров и купила ему толстенную книгу о приключениях двух друзей – простых фермеров, одолевших страшного чернокнижника, могущественного Повелителя мрака. Там в друзьях у героев, помимо королей, эльфов и тангаров, ходил

и волшебник, именуемый Сребромантом. Так вот гость барона – мессир Тронгарс, сильно смахивал на симпатичного мага из той памятной книжки.

Первым делом волшебник извел крыс, причем сделал это с неким очаровательным изяществом, пропев хорошо поставленным баритоном недлинное заклинание и сделав легкий пасс одной рукой. В результате его действий мерзкие твари, нагло оккупировавшие кладовки, коллективно растались с жизнью, не успев даже пискнуть. Правда, припасов от колдовства не прибавилось, а урон, причиненный грызунами, оказался столь велик, что тэврский эконом долго еще рвал на себе волосы и обливал горячими слезами учетные книги.

Чада и домочадцы встретили славную победу мессира Тронгарса над хвостатыми паразитами неуемной радостью. Мужчины и женщины кланялись ему в пояс, подносили для благословения детишек, а кое-кто украдкой норовил приложиться к полам волшебникова одеяния. Тот принимал знаки внимания со спокойствием, детей благословлял, подарки брал, но быстренько удалился в отведенные ему покои, не дожидаясь, пока его с ног до головы обслюнявят благодарные обитатели замка.

Единственным, кто остался недоволен визитом мага, был эльф. А Кенарду почему-то казалось, что тот обрадуется магической помощи. Вернее, эльф не возражал и даже одобрял решение барона, но лишь до того мгновения, пока не уви-

дел Тронгарса воочию. Едва взгляд его скользнул по фигуре мага, как настроение Альса резко изменилось. Он сплюнул себе под ноги, что-то прошипел на эльфьем языке, скрипнул зубами и удалился в неизвестном направлении. Уничтожение крысиных полчищ он пропустил, как и скромный, но торжественный ужин в честь волшебника. Кенарда послали на поиски, но он вернулся ни с чем. Эльф выехал за городскую стену и назад еще не возвращался. Пришлось лорду Крэнгу излагать соображения Альса своими словами. Маг слушал внимательно, солидно кивал и под конец рассказа спросил об источнике таких полных и ценных сведений. Барон назвал источник. Мол, есть у меня на службе чистокровный эльф по имени Ириен, по прозвищу Альс, он и дознался о чародейских делах, творящихся в замке. Мессир Тронгарс неопределенно хмыкнул, но все вышесказанное к сведению принял и выводы сделал. Опыта в наблюдениях за выражением волшебниковых физиономий у Кенарда вполне хватило, чтобы в свою очередь заподозрить, что имя Ириен Альс высокочтимому господину магу знакомо, и знакомо не понаслышке. Он немного поразмыслил над поведением одного и другого, и понял, что самое время наведаться к эльфу. Выводы Кенарда оказались настолько верны, что едва он сунул нос в комнату наемника, как тот сразу набросился на него с вопросами о волшебнике.

– А вы его знаете, мастер Альс?

– Еще как знаю.

Тон, каким были сказаны эти слова, говорил молодому ветландцу, что знакомство эльфа с волшебником произошло при самых зловещих обстоятельствах. Вдобавок Альс виртуозно выругался на логри, повергнув рыцаря в смущение. Прожив всю жизнь рядом с орками, он ни разу не слышал такой забористой ругани. Определенно, эльф мага не любил.

– Так я пойду?

– Подожди, – попросил Альс.

Он неторопливо разводил в своем очаге огонь, придирчиво выбирая наиболее сухие поленья из аккуратно сложенной рядом поленицы, а Кенарду оставалось только оглядываться по сторонам и дивиться простоте и пустоте, царившим в комнате наемника. Кровать, сундук, стол, стул, кресло – все. Рыцарь готов был поклясться, что так тут все и было, когда эльф внес сюда мешок с личными вещами. Без мечей за спиной Альс выглядел, как птица без крыльев. В теплой шерстяной тунике без всякой вышивки, в простых штанах, с распущенными по плечам волосами эльф выглядел если не домашнему, то во всяком случае чрезвычайно миролюбиво. Кенард никогда не видел его в приватной обстановке и сначала растерялся. Иногда можно было подумать, что эльф и спит, не снимая оружия. Во всяком случае, никому никогда не удавалось застать Альса врасплох, сонного, полураздетого или растрепанного. Мечи – «птичий» и «змеиный» – мирно покоились поверх теплого покрывала, притягивая все внимание Кенарда.

– Интересуетесь оружием, юноша? – спросил вежливо эльф, проследив за жадным взглядом рыцаря. – Можешь рассмотреть их поближе, если не терпится.

Ветландец не замедлил воспользоваться разрешением, обнаружив, что рукояти, несмотря на изысканность резьбы, очень удобно ложатся в ладони.

– Какая красота! – выдохнул Кенард. – Это ведь настоящее эльфийское оружие?

– Их ковал сам мастер Сейхэ, – охотно пояснил наемник. – Вряд ли ты когда-либо слышал о Сейхэ – Отце мечей, это было более двух тысяч лет назад. Его оружие носят владыки Фэйра и великие короли других эльфийских королевств, а мне эти мечи достались от моего учителя. Его звали Фьери-тири, но тебе это имя тоже ничего не скажет.

– Они волшебные? – зачарованно выдохнул Кен.

– Нет. Никакой магии в них нет и не было. А почему ты спрашиваешь?

– С ними тяжело расстаться, хочется держать и держать в руках, хотя, пожалуй, для меня они тяжеловаты, – честно признался рыцарь, осторожно и с видимым сожалением опустив клинки в ножны. – Это действительно работа великого мастера. Наверное, даже сам мастер Хем не сравнится с вашим Сейхэ.

– А ты видел когда-нибудь меч мастера Хема? – поинтересовался эльф.

– Нет.

– А я видел. Их нельзя сравнивать даже на словах. Сейхэ видел дух металла и умел выразить его в ковке, а Хем вкладывал в свои мечи собственную душу. Разница принципиальная.

Откровенно говоря, Кенард был слишком молод, чтобы понять то, что ему хочет сказать эльф. Он видел только прекрасное оружие, и мысль о том, что подобное носит сам владыка Фэйра, его завораживала. Альс не так прост, как казалось ветландцу поначалу, если по отношению к эльфам вообще можно применять понятие «простота». Опыт короткой жизни подсказывал Кенарду, что не может обыкновенный наемник носить такое оружие просто так, не будучи сам высокого происхождения или по крайней мере персоной важной и значительной.

Все эти мысли Ириен читал на простодушной физиономии молодого человека, словно с открытого листа. И ему было смешно и грустно одновременно. Скажи он сейчас парню, что он и есть сам владыка Иланд, и тот поверит сразу и навек. Совсем ребенок еще.

– Наш гость не говорил, как долго он задержится в Тэвре? – спросил эльф.

– Нет.

– Спасибо за предупреждение, Кенард. Иди спать.

Юноша кивнул и выскользнул в коридор, впервые жалея о том, что нет повода остаться и еще немного поговорить с эльфом. Об оружии, о великих мастерах-кузнецах, о других

интересных вещах... Тут рыцарь едва не столкнулся носом к носу с мессиром Тронгарсом, направлявшим свои стопы в комнату Альса. Кенард посторонился и пропустил волшебника внутрь. Немного подождал и сильно удивился, когда не увидел, чтоб из-под двери расплзалась лужа крови. Душит эльф его там, что ли?

– Рад видеть тебя в добром здравии, Ириен.

– Если я скажу, что тоже рад, ты, надеюсь, не поверишь? – проговорил эльф, не поворачивая головы. Он помешивал ко-чергой угли и, казалось, был целиком поглощен этим увлекательнейшим занятием. – С каких пор ты стал Тронгарсом?

– Мое настоящее имя слишком хорошо известно, – охотно пояснил маг. – Я бы попросил и тебя именовать меня так.

– Как скажешь... э... Трон, – скривился, как от кислоты во рту, Альс. – Хотя мне было бы проще называть тебя – сволочь.

Волшебник негромко рассмеялся, демонстрируя, что не обиделся на грубость. К слову, он действительно не обиделся.

– Могу я присесть?

– На кол, – предложил ласково эльф.

– Большое спасибо, дорогой друг, – отвечал маг в том же духе.

Он удобно разместился в кресле, предварительно подвинув его поближе к огню, всем видом показывая, что настроен

миролюбиво, а также полон желаний продолжать разговор.

– Я усматриваю в нашей встрече спустя столько лет, да еще в столь удаленном уголке обитаемого мира, знак свыше.

– Ты видишь такие знаки на каждом заборе, Трон. Я бы предпочел никогда тебя не видеть, – жестко отрезал эльф, присаживаясь на стул задом наперед так, чтобы можно было положить подбородок на скрещенные на спинке руки. – Вот был бы отличный знак.

– Знак чего? – не сразу понял Тронгарс.

– Знак того, что в мире стало меньше на одного сумасшедшего колдуна, – пояснил Альс, нехорошо ухмыляясь.

– Я не сумасшедший, Ириен. Я один из немногих, посвященных в истинное положение дел, тогда как другие волшебники предпочитают закрывать глаза на очевидные вещи, купаются в самодовольстве и надменности, плетут интриги, мня себя вершителями судеб людей и королевств. Ты знаешь, о ком я говорю. А в это время я веду борьбу с настоящим злом, – сказал маг.

Лицо эльфа не дрогнуло, уподобившись отлитой из металла ритуальной маргарской маске.

– Оглянись вокруг, Ириен, присмотрись внимательно, и ты легко различишь признаки.

– Какие еще признаки?

– Нисхождения Тьмы, – торжественно промолвил маг. – Даже здесь, в Ветланде, в диком и нетронutom краю начинают происходить странные и страшные вещи. Спроси любого

орочьего шамана, любую бабку-травницу, любую повитуху – и ты услышишь то же самое. Мир просто переполнен злом. Чернолесье заполонили упыри. Хейт кишит чудовищами. А чего стоят все эти бесчисленные пророки, вещуньи, оракулы, ясновидцы... Они, точно крысы, лезут из всех щелей. В каждом хуторе, в каждой деревне. Я уж молчу про то, что происходит в Лаффоне. Кстати, ты ведь уже догадался, кто наш некромант, не так ли?

– Догадался, – вздохнул эльф. – Нужны доказательства.

– Мы найдем их, найдем непременно. Но разве тебя это нисколько не настораживает? Откуда столько злобы, столько ненависти у человека, которому никто никогда и не помышлял причинить зло? Почему так происходит, что тому виной, ты думал? Люди обращаются ко злу столь легко и часто, что только слепец не заметит, как далеко простерлась длань Тьмы над обитаемыми землями. Ириен, ты слышишь, о чем я говорю? Ты ведь часть Дивного народа, народа, всегда противопоставлявшего себя силам хаоса и разрушения.

Ириен прикрыл на миг глаза, заставляя себя сдержаться, хотя, видят светлые небеса, сделать это было ему очень трудно. Народ, к которому он принадлежали по рождению, крови и образу мыслей, имел столь же кровавую историю, сколь длинной и древней она была. Гордые эльфийские князья никогда не чурались проливать кровь своих сородичей в бесчисленных войнах с соседями, и порой эльфы резали друг дружку с большей охотой, чем представителей иных рас. Бы-

вало, предавали союзников, убивали из-за угла, в спину и в открытую. В общем, мало чем отличались от людей или орков. А если и отличались, то только тем, что эльфы обиды растягивались на целые века, а старые распри тлели на протяжении немыслимого для людей времени. Имелись в истории и иные примеры. Смог же Лириэсо пожертвовать собой ради своего друга-орка, и принц Тэйнал отказался от похода против полуночных эльфов, остановив братоубийственную войну. Каждая из четырех рас могла в равной степени стыдиться и гордиться своей историей. Но в чем заключались заслуги эльфов в битве с мировым злом, Ириен понять не мог, хотя много раз пытался. Среди его собратьев по крови встречались такие подонки, что в их черных душах не могло быть даже проблеска Света, одна сплошная Тьма.

– Оставь мой народ в покое, – устало, но твердо посоветовал Ириен. – Прибереги свои пламенные речи для более наивных слушателей, а я давно сыт ими по горло.

Чтобы, утверждение не показалось голословным, эльф показал ребром ладони, где именно проходит граница его сытости. Выходило многовато, но на волшебника многозначительный жест впечатления не произвел и тем более не смутил.

– Ириен, я говорю не о тебе и не о себе. Я говорю о нарушении миропорядка, которое грозит всем нам. И людям и эльфам в равной степени. Пророчество о пришествии Белой Королевы сбывается. Она идет, Ириен...

Волшебник хотел продолжить свою патетическую речь, но вовремя наткнулся взглядом на своего собеседника. Есть такой словесный оборот у гораздых на выдумки маргарцев: «Человек есть, а лица на нем нет», и вот тут-то Тронгарс и узнал, что имел в виду автор известной присказки. На эльфе не было лица. Только ярость и нестерпимый гнев.

– Убирайся, – прошипел Альс сдавленным голосом. – Убирайся вон!

Тронгарс действительно был великим магом, и бояться эльфа ему не стоило, но он увидел в пылающем серебре глаз Ириена страстное желание отделить голову волшебника от остального тела. И между этим желанием и возможностью стоял только жалкий призрак внутреннего смятения.

Тронгарс поспешил незамедлительно выйти вон, помимо воли вжимая уцелевшую голову в плечи, когда услышал, как в закрытые створки дверей с другой стороны врезается нечто деревянное и очень тяжелое. Кресло или стол. Иногда даже эльфу трудно сдержать свои чувства.

По счастью, великий волшебник из Мельниц так и не понял, как близко он находился от своей преждевременной смерти, как близко подошла к нему Неумолимая Госпожа и с какой неохотой Ириен не отдал ей вполне заслуженную жертву.

Сорвав гнев на безвинном изделии столяра, Ириен сразу как-то успокоился. Великий маг Вир'емар-ти-Нало, именовавший нынче себя Тонгарсом, был, конечно, той еще своло-

чью, но, зная его натуру, эльф мог присягнуть, что обитателям Тэвра не грозит ничего фатального. Если все они сумеют пережить остаток зимы с пустыми закромами. Тут Вир'емар со всей своей магией ни навредить, ни помочь не сможет.

– Э-э-э-э...

Рыцарь Эртэ не выдержал напора любопытства и все-таки сунул свой острый нос в комнату Альса.

– Ох!

Обломки кресла, живописно раскиданные по полу, впечатлили бы любого.

– Брысь! – рявкнул Ириен.

Кен поспешил закрыть дверь.

«Вот так-то лучше. Кенарду тут делать нечего, по крайней мере этой ночью», – решил Альс.

Ириену больше всего хотелось просто посидеть возле очага, глядя на пламя или даже чувствуя тепло кожей полуприкрытых век. Побывать наедине со своими мыслями.

Обычно Альс не баловал свой внутренний голос какими бы то ни было правами, твердо пресекая все поползновения напомнить о себе. Но сегодня дал слабину и позволил своему вечному оппоненту высказаться. У внутреннего голоса были отчетливые интонации Мэда Малагана и легкий оньгенский акцент.

«Какая банальность, Ирье. Ты сам подумай. Паршивый замок какого-то баронишки, глухомань несусветная, крысы, девка-некромантка помешанная, волшебник свихнувшийся.

Тебе это ничего не напоминает?»

«Приют для умалишенных».

«Точно! А ты тут что делаешь?»

«Схожу с ума».

«У эльфов очень устойчивая психика. Тебе просто скучно». – Менторские нотки определенно принадлежали Унанки.

«Скучно?»

«А чему ты удивляешься? Вполне нормальное чувство для этого места».

Альсу никогда не бывало скучно. Вся огромная гамма чувств, доступная его расе, с тысячами оттенков ощущений, каждому из которых на эльфийском языке нашлось самостоятельное название, практически не включала в себя то, что именовалось скукой. Ириену могло быть тошно до самых печенок, горько, тоскливо, мучительно одиноко, отвратительно и еще всячески, но только не скучно. Видимо, Создатель избавил народ долгожителей от такой напасти. Эльфам никогда не было скучно жить, и именно этим они отличаются от других рас, а вовсе не длительностью жизни, внешностью или пресловутыми ушами.

«Чушь!»

«Возможно. Но у тебя все впереди. В смысле, есть место для усугубления. Осталось только удалиться в Чернолесье, выкопать землянку и стать отшельником со всеми вытекающими...»

«Например?»

«Ну как же?! А регулярная медитация на дуб, отвар из веника и бурьяна и любовь с козочкой? – Внутренний голос исходил словесным ядом. – Или с белочкой».

«Оставь свои пошлые шуточки».

«Это твои пошлые шуточки, Ирье. Ты разговариваешь сам с собой, и не надо быть таким ханжой».

«Зима еще не кончилась...»

«Она закончится. Что ты станешь делать потом, Ириен Альс? Что ты станешь делать?»

Преимущество общения с внутренним голосом состоит в том, что его всегда можно заставить молчать. Альс мысленно зарычал, а тот в ответ показал липкий фиолетовый язык и юркнул куда-то в глубины сознания.

Пальцы бессознательно погладили боковину вещевого мешка, в котором лежало письмо от Арьятири. С этим и в самом деле надо было что-то делать. Но не сейчас. Весной. Зима слишком крепко держала Ветланд, Тэвр и самого эльфа в своих цепких объятиях и, чтобы никто не ускользнул, взяла теперь в союзники голод. Вместе эта пара была почти непобедимой.

Ириен все сидел и сидел возле огня, пока сон черным вороном не выклевал ему глаза.

Весь следующий день господин почтенный волшебник занимался исключительно своими прямыми обязанно-

стями, то есть колдовал. Он ходил по замку, сопровождаемый восторженными почитателями из числа челяди, то и дело простирая руки по направлению к самым темным и пыльным углам. Бормотал себе под нос зловещим шепотом на непонятном языке, пугал до полусмерти пауков и всячески внушал уважение обывателям Тэвра, которое ближе к вечеру стало граничить с благоговейным ужасом. От Тронгарса волнами расходилась божественная благодать, чему сыскалось немало свидетелей, готовых под присягой подтвердить, что маг собственноручно изловил шесть демонов, два десятка мелких бесов и без счета злонамеренных духов бестелесных. Заодно было раскрыто несколько преступлений сугубо светского характера: поедание ворованного куса коровьего масла кухонным мальчишкой Ником, сокрытие в сундуке белошвейки Марти бус ткачихи Суллии, а также стала достоянием гласности противоестественная мужеложеская связь двух конюхов. Нисходящая Тьма потерпела в Тэвре сокрушительное поражение и была отброшена за стены крепости. Народ, ясное дело, ликовал.

Однако повезло в этот день далеко не всем, как зачастую случается в этом несовершенном мире. Кому-то глазеть на руко...творчество мага, а кому-то и пахать на плацу под руководством злобного нелюдя. Пятерым новобранцам-стрелкам никто не завидовал, наоборот, им всецело сочувствовали от мала до велика, но помочь ничем не могли. Альс, пребывавший в самом отвратительном состоянии духа и люто-

вал вовсю. Не то чтобы парни впервые в жизни видели луки и стрелы, до этого злополучного дня они искренне считали, будто владеют этим видом оружия вполне сносно. Но эльф сумел доказать всем пятерым, что они являются не кем иным, как «косорукими уродами», «слепыми болванами» и «безмозглыми тупицами». Витиеватая ругань сделала бы честь любому тангару-лесорубу, и невольные слушатели эльфых излияний только головы втягивали в плечи, радуясь, что словесная мощь направлена исключительно на пятерых несчастных.

Стрелы летели куда угодно, кроме мишени, тетивы рвались, и в конце концов бешенство Альса достигло апогея. Он подошёл к соломенному чучелу с намалеванным углем кругом на мешковине тулова и заслонил его собой.

– Стреляйте по мне! – приказал он.

– Дык... как же?

– Не можно...

– Можно. Все едино никто не попадет. Наоборот, кто попадет – тому дам целый медный полужагр. В качестве премии.

Стрелки переглядывались, всеми силами борясь с искушением воспользоваться таким удобным моментом, чтоб и поквитаться с эльфом за издевательства, и получить лишнюю денежку. Мастер Альс редко кому давал шанс причинить себе вред.

– Хватит телиться, начинайте! – сказал Ириен.

При виде его кривой ухмылки руки людей сами потяну-

лись к колчанам.

– Вас даже не пальцем делали, олухи, а старой кочергой...

От первой стрелы эльфу совсем не пришлось уклоняться. Она пролетела выше его макушки на целый локоть. Вторая легла ближе, третья – заставила нелюдя крутануться вокруг своей оси, чтоб она не угодила прямиком в его жестокое сердце.

– Плохо, засранцы, плохо, – констатировал Альс.

Парни напряглись и стали целиться лучше. Теперь эльфу пришлось извлечь свои мечи и вдоволь попрыгать. Но он неизменно отбивал стрелы. Некоторые из них он перерубал в полете, некоторые отскакивали от лезвий мечей. И если Альса в иное время еще можно было принять за человека, то каждое его движение кричало во весь голос: «Чужак!» и подвывало: «Не-е-е-елюдь!» всем, кто имеет глаза.

– За каждую потерянную стрелу господин барон лишит хлебной полушки, – честно предупредил Ириен, вызвав у стрелков новый прилив энтузиазма.

Постепенно за границами площадки для муштры стала собираться толпа любопытных домочадцев. Шепотом делались ставки. Каждый выстрел сопровождался воплем; выстрелы учащались, и вопли сливались в рев, который и привлек внимание волшебника, именовавшегося теперь Тронгарсом. Некоторое время он наблюдал за поединком эльфийской и человеческой ловкости и быстроты с недовольной миной на благостной физиономии. Маги никогда не любили

конкурентов своей популярности.

После очередного ловкого выпада эльфа, отбившего стрелы клинком и отправившего их в небеса, парни переглянулись и решили усложнить задачу своему мучителю. Они дали согласованный залп, почти сразу следующий, а потом еще один. И тут бы эльфу быть безвозвратно утыканным стрелами, как вдруг волшебник одним замысловатым словом остановил их полет прямо в воздухе. Стрелы висели над землей, пренебрегая законами притяжения, чутья подрагивая оперением, нацеленные на замершего на месте Ириена.

Эльф и маг мерили друг дружку тяжелыми взглядами недолго, но людям показалось, что прошла вечность, прежде чем колдун встряхнул рукой, выпростанной из своей хлямыды, и заставил стрелы упасть.

– Все! Хватит! – проскрежетал Альс, объявляя об окончании бесплатного представления.

Зрители быстренько разбрелись по своим делам, от которых они всеми силами отлынивали с самого утра. Остались только Ириен, Тронгарс и... Кен.

– Это глупо, – заметил маг с укоризненной улыбкой. – Вот уж от кого я не ожидал подобного, так это от тебя. И не стыдно? Завтра все мальчишки в замке станут повторять твой подвиг, и кого-то непременно подстрелят насмерть.

Глаза эльфа полыхнули неприкрытой злобой.

– В следующий раз в балагане свои фокусы показывай, Вир... Тронгарс. Знаю я твоё чадолюбие.

– Кто старое помянет, тому глаз вон.

– А ну давай! – азартно предложил эльф. – Я тебе с превеликим удовольствием кое-что отковыряю.

Колдун отшатнулся, но сдержался и нервно рассмеялся:

– Психопат.

– Колдун.

В устах эльфа слово прозвучало как ругательство. Сказал, будто плюнул.

На том и расстались. Эльф танцующей походкой отправился в купальню, чтоб смыть пот. От одной мысли о том, как он окатит себя водой из ушата, предварительно расколов тонкую корочку льда на поверхности, у Кенарда мороз шел по коже.

– Не обращайтесь внимания на выходки Альса, юноша, – дружелюбно посоветовал маг. – Он всегда был такой.

– А вы давно его знаете?

– В последний раз мы виделись примерно сто лет назад, – важно изрек Тронгарс, наслаждаясь видом приоткрытого в изумлении рта рыцаря Эртэ.

– Не сто, а без трех месяцев девяносто восемь лет, – не оборачиваясь, отозвался Альс, лишний раз демонстрируя прославленную эльфийскую остроту слуха.

Тронгарсу ничего не оставалось, как согласно кивнуть. Но лицом он стал бледен. Такой точный подсчет лет со стороны Ириена ему ничего хорошего не сулил. Эльф умудрился ничего не забыть из событий почти вековой давности.

Ужин волшебнику подали прямо в отведенные ему покои, и чем он занимался всю ночь, никто не знал, но утром мэтр Тронгарс решил провести дознание. Чему и стал свидетелем Кенард, а также еще полсотни обитателей замка. Первым делом, протерев глаза, маг направился к лорду Крэнгу. Барон был человеком неглупым и рассудительным, за что его, собственно, уважали простолюдины и ветландский князь Кириам привечал.

– Значит, обойдемся без пыточного мастера? – переспросил он, запуская пятерню в густую пепельную шевелюру. – Как же будем виноватого искать?

– Сегодня никого нельзя выпускать из замка, особенно женщин. У одной из них будут обожжены руки, – заявил колдун авторитетно.

Он вкратце рассказал барону о своем ночном бдении и его результатах. Выходило, что пока жители Тэвра дрыхли без задних ног, мудрый маг сложа руки не сидел, а вывел-таки ведьму-некромантку на чистую воду.

– Ага! Значит, пусть всех баб соберут в главном зале. Там и поглядим.

Барон, похоже, не испугался. Его тяжело было смутить какими-то бабскими чарами, и тут Кенард его прекрасно понимал. Если бы не несколько предыдущих дней, он бы тоже не воспринял слова Альса всерьез. Кен ощутил себя бабочкой, запутавшейся в паутине. Липкие силки колдовства ока-

зались столь ужасны, что его до сих пор трясло от страха. Когда исподволь подкрадывается нечто и опутывает разум, а ты бессилен помешать, это слишком смахивает на ночной кошмар. Только из обычного кошмара можно вынырнуть.

Женщин собрали в зале, невзирая на вопли, пререкания и угрозы. Прачек оторвали от корыт, кухарок от горшков, даже девушек-пастушек вытащили из свинарника, отчего запах в закрытом помещении стал просто непереносимым. Никакие возражения не принимались. Особо строптивых волоком волокли.

– Значит, так, все показываем руки ладонями вверх! – приказал лорд Крэнг.

Первой продемонстрировала гладкие нежные ладошки сама леди Тарисса, молодая жена барона. В позапрошлом году она подарила супругу двух прекрасных мальчишек, несказанно порадовав супруга. Первая жена Крэнга сумела родить ему одну Гилгит. Уж больно деликатного сложения оказалась благородная леди Соуша, чтобы благополучно вынашивать и рожать детишек. Леди Тарисса была крепкой полной женщиной, розовощекой и сильной, как мужчина, за что ее и выбрал Крэнг из множества других претенденток. С учетом прошлого печального опыта, барон желал от жены только одного – здорового и крепкого потомства мужского пола. То, что они потом еще и полюбили друг друга, оказалось просто удачным стечением обстоятельств.

Ладонки у тэврских барышень оказались разной чисто-

ты, размера и формы. Были исколотые иголкой, были выкрашенные краской, были красные от стирки, а также пахнущие луком, или рыбой, или навозом, но все без исключения без следов ожогов. Кенард растерялся и в испуге покосился на невозмутимого эльфа, который, по обыкновению своему, подпирал плечом стену и взирал на дознание в высшей степени презрительно. Но тем не менее с мечами расставаться не торопился.

– Ну, как ты это объяснишь? – сурово спросил у мага разгневанный барон.

– Здесь не все женщины, – заявил тот.

– Как не все? Я приказал пригнать всех.

– А где леди Гилгит?

Кенард потерял дар речи. Маг попал в самую точку. Гилгит в зале не оказалось.

– Этого не может быть, – обреченно прошептал рыцарь.

– Где моя дочь? – рявкнул Крэнг на не повинную ни в чем супругу.

Та развела руками:

– Я не видела ее с самого утра. Да и с вечера тоже.

Женщины в зале перепугано зашумели. Они не ведали ничего о некроманте, но Кен точно знал, что служанки уже несколько дней шепчутся по углам и бегают в домашнюю часовню молиться. Такое благочестие появилось неспроста.

– Пусть все остаются тут, а мы пойдем к Гилгит, – тихо сказал Крэнг сэру Солангу, пребывающему в полной расте-

рянности.

Длинный кафтан барона парусом развевался его спиной. Следом за разъяренным отцом шествовал волшебник, безмятежный как младенец. Кен слышал ругательства, которые шепчет себе под нос Крэнг. Ноги рыцаря Эртэ передвигались как бы сами по себе, без участия рассудка.

«Только не Гилгит, только не Снежинка, только не она», – думал юноша. Все молитвы вылетели у него из головы. Да и каким богам молиться, когда твоя жизнь, твоя вера стремительно летят в Нижние миры?

«Милостивый Хозяин и Неумолимая Хозяйка... Нет, только не Двуетьдиному. Что просить у божества Смерти, кроме избавления от душевных мук?»

Кенард посмотрел на эльфа, но тот ответил прозрачным ледяным взглядом.

«Альс знал, – догадался Кенард. – Знал с самого начала». Потому и стал его опекать, именно его.

Только слепой не видел, как молодой человек относится к баронской дочке.

«Нет, только не Гилгит!»

Дверь в светелку девушки была закрыта изнутри. Барон постучал, сначала осторожно, потом кулаком.

– Гилгит, открывай! Это я, твой отец!

Ответом было молчание и шелест одежд.

– Открывай, кому сказано, сучья дочь! – взревел Крэнг, налегая плечом на косяк.

Альс наблюдал за всем происходящим с хладнокровием, достойным всех его предков, вместе взятых. Его сейчас беспокоила не забаррикадировавшаяся в своих покоях некромантка, а молодой рыцарь, на котором не только лица не было, на нем ничего не было. Жалко, конечно, когда высокие чувства рушатся таким чудовищным образом.

– Надо ломать двери, пока она чего не учинила, – предложил эльф. – Давайте, милорд. Раз, два...

На счет «три» дверь с треском слетела с петель, и мужчины ввалились внутрь. Кен и не заметил, как в руках у эльфа оказались мечи. Гилгит стояла на большом сундуке, вжавшись в угол, оскалившаяся, как волчица. Руки ее были замотаны пропитанными кровью тряпками. Эти окровавленные пальцы с кусками облезшей кожи намертво приковали внимание Кенарда. Гилгит времени даром не теряла. Хоть ей и было жутко больно, но она крепко держала в одной руке нож, а в другой за косичку на макушке маленькую девочку лет четырех, ребенка кого-то из прислуги. Нож находился прямо под подбородком ребенка, и по тощей шейке уже текла тоненькой струйкой кровь.

– Ах ты сука, – прошелестел одними губами лорд Крэнг. Голос ему отказал.

– Гилгит, ну зачем? – растерянно спросил Кенард.

Девушка рассмеялась. Нет, не заплакала, не повалилась родителю в ноги, авось простит, нет, она оскалила белые ровные зубки, как снежная лисичка, и разразилась залиvistым

радостным смехом. Зазывным, очаровывающим смехом, от которого у Кенарда заныло под ложечкой.

– Спрячь свои мечи, остроухий! И ты, колдун поганый, не смей руками двигать! – сказала она ласково и аккуратно надрезала кожу на шее девочки.

Та даже не пискнула, пребывая в жертвенном оцепенении.

– Ты думаешь, тебя это спасет, паскудина? – спросил Крэнг. – Ребенок-то тут при чем?

– Скажи спасибо, что это не твои выродки, – усмехнулась Гилгит. – Но у меня и для них кое-что припасено.

Барон застыл как вкопанный. На кроху ему было наплевать, хоть и жалко ребенка, но угроза по адресу мальчишек подействовала на него, как ведро кипятка. Широкое лицо Крэнга стало пунцовым, а потом позеленело. Всем известно, что некроманты к шуткам расположены мало.

– Брось мечи, нелюдь! – снова приказала Гилгит. – И ты, Кенни, тоже не отставай от своего остроухого друга.

Ириен осторожно разжал руки, и оружие жалобно звякнуло об пол. Кен последовал его примеру.

– Ты не уйдешь далеко, – прошипел барон. Он был без оружия и очень об этом жалел.

– А мне и не нужно будет куда идти, – нежно улыбнулась девушка.

Кенард не понял, Крэнг тем более, а вот Тронгарс знал, о чем она говорит. Но он продолжал улыбаться. Через силу.

– Нам нужно поговорить, леди... – сказал он.

– Нет.

Гилгит не собиралась ни с кем ни о чем разговаривать и что было силы вонзила нож ребенку под подбородок. Кровь брызнула такой струей, что обдала мужчин с ног до головы. Гилгит охватило малиновое холодное пламя, ленивыми липкими язычками обволакивая со всех сторон. Кровь девочки оживила заранее приготовленный портал. Блаженство близящегося перехода уже плеснулось на щеки Гилгит румянцем, и глаза стали закатываться, но Тронгарс успел вовремя. Он шагнул к Гилгит и, вскинув руки, выкрикнул какие-то слова. С пальцев волшебника сорвалась молния, соединившаяся с малиновым огнем портала, окрашивая его во все оттенки изумруда.

Некромантка свалилась с сундука, как безвольная кукла, и, скуля по-щенячьи, свернулась на полу калачиком. Залитые кровью обожженные руки скребли по полу, как лапки раздавленного паука. Все это произошло так быстро, что, кроме эльфа, никто не успел ничего сделать. Он подхватил на руки девочку, зажимая рукой страшную рану, быстро зашептал наговор. Но было слишком поздно. Малышка умерла мгновенно, нож был слишком длинный, он рассек все вены на шее. Альс продолжал бороться, голос его становился все глуше, пока не замолк окончательно.

– Все, – сказал он и закрыл малышке глаза.

Кенард поразился, сколько крови натекло из маленького ребенка. Небольшая светелка баронской дочери походила

теперь на бойню в разгар рабочего дня. Гилгит скулила, закатив глаза под самый лоб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.